

ИНЖЕНЕР: ТАЛАНТ И ЗНАНИЯ

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

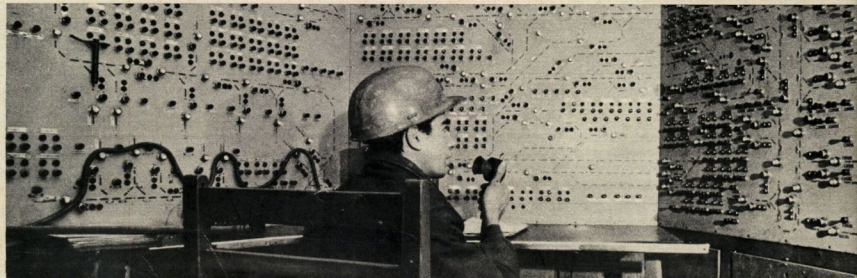

МЕТР ЗА МЕТРОМ УГЛУБЛЯЮТСЯ ПРОХОДКИ В РУДНОЕ ТЕЛО. МАРТЕНА СТРАНЫ ПОЛУЧАЮТ ВСЕ БОЛЬШЕ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЙ КРИВОРОЖСКОЙ РУДЫ.

Рабочая
трибуна
«Смены»

СОПЕРНИКИ

ПУЛЬТ УПРАВЛЕНИЯ НА ГЛУБИНЕ 815 МЕТРОВ.

начала учено представлял читателям своего собеседника.

Александр Романович Черненко считает себя юным криворожцем, хотя родился он в селе соседней, Кировградской области. В годы первой пятилетки его родители оторвались от привычной крестьянской жизни и поехали в город, в Кривой Рог, который со временем должен был стать крупнейшим железнодорожным центром страны. Отец определился по автоделу. Работал на строительстве нового шахты, а когда они вступили в строй, го и на добыче руды. В Кривом Роге прошли детство и юность Александра Романовича. Тут он окончил школу. Отсюда ушел на фронт и дошагал с боями до самого логова врага. В конце 1945-го, демобилизовавшись, вернулся домой и поступил на подготовительные курсы Криворожского горного института, после окончания которого остался работать в родном городе. Тут он прошел путь от радového инженера до управляющего рудником.

Естественно, обстоятельства, о которых говорилось выше, позволили Александру Романовичу не только досконально знать историю города и его промышленности за последние сорок лет, но и — что в данном случае особенно важно — помогают сравнивать прошлое с настоящим, анализировать развитие Криворожского бассейна.

И еще одна немаловажная деталь. В 1967 году Черненко защитил кандидатскую диссертацию на тему «Итенсификация буровых работ», где исследует различные аспекты повышения производительности труда на одном из этапов добычи железной руды.

Кривой Рог растущая узкой полосой с севера на юг на десятки километров, повторяя на поверхности земли направление мощного железнодорожного пласта, который под углом уходит в недра на многие сотни метров. Город Кривой Рог — это скорее сросшаяся ведино целена рабочих поселков, возникших вокруг одиннадцати рудоуправлений, пяти горно-обогатительных комбинатов и предприятий, которые работают на добытом сырье.

Кривой Рог — это больше половины железной руды, производящейся в нашей стране. Руда высокого качества, некоторые сорта которой могут быть обогащены идти в маршты. Представляет: каждая вторая машина, каждый второй предмет, куда входит составная часть железа, сработаны из руды Криворожья — от иглол до люковод!

Уже сама концентрация в одном месте мощных предприятий одинакового профиля заранее предопределяет не только интенсивный обмен между ними разной информацией о новшествах в организации производства и технического оснащении, но и облегчает быстрое внедрение на каждом из них находок и достижений, открытий и опробованных соседями. Иными словами, такое положение по идее должно было сменить производственные иголы всех, свести их примерно к одному уровню. Тем не менее в Криворожье есть переделы и отстающие. Причиной различия в их показателях значительна.

Почему это происходит? Как с помощью социализации отстающие могут выйти на уровень передовиков?

Диалог с Александром Романовичем начался с работы В. И. Ленина, написанной буквально через два месяца после победы Октябрьской революции. — В статье «Как организовать соревнование» В. И. Ленин писал, что социализм впервые создает возможность применить соревнование действительно широко, действительно в массовом размае, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе неочетный рудник.

Всегда первого в мире пролетарского государства неоднократно возвращался к этому вопросу, считая, что организация соревнования должна занять видное место среди задач Советской власти в экономической области.

Именно благодаря указаниям Владимира Ильича социалистическое соревнование в нашей стране стало одним из надежных средств ускорения эконо-

Когда этот материал готовился к печати, из Кривого Рога пришло сообщение А. Р. Черненко назначен управляющим крупнейшего в Кривбассе рудоуправления имени Кирова.

мического прогресса, повышения производительности труда в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте. Недавнее постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования» призывает сделать его еще более эффективным.

Скажете, Александр Романович, какую роль играет социалистическое соревнование в деятельности рудоуправления имени Коминтерна? Ваше предприятие — одно из лучших в Криворожском бассейне: в 1971 году в двух кварталах выдвинули на первое место, завоевывали переходные Красные знамена Совета Министров СССР. Какому долю этого успеха можно отнести на счет соревнования? Подсчитывали ли на руднике его экономический результат? Возможен ли такой подсчет?

— Не могу подсчитывать буйвательно экономическую эффективность соревнования. Не знаю, на какое место оно вышло бы, если бы конверт рубли, или процентом, или тоннами руды энтузиазм и желание наших горняков опережать соревнующихся с нами коллективы Криворожского рудоуправления имени Кирова или Высогородского рудника, что на Урале!

— Но ведь, и в другом соревновании, когда вы выигрываете, конечная наша цель — получить как можно больше качественней руды при наименьших затратах труда и средств. И главное для нас: внедрение новой техники и рационализации, повышением производительности труда, использованием эффекта соревнования достичь этой цели.

— Хорошо. Пусть немного точно подсчитает материальный эффект соревнования в рублях, тоннах, киловатт-часах. Тем не менее, бере обязательства или заключаю договор о соревновании, мы должны быть убеждены, что оно даст определенный положительный результат, поможет повысить показатели, достигнутые в области производства.

— Так оно и есть. Выключая в соревнование, надеясь победить в нем, обойти своих друзей-соперников, а чтобы победить, ищешь скрытые резервы увеличения производства, экономии, новой организации труда — все это в конечном итоге непременно сказывается на показателях.

— Но ведь, и в другом соревновании, когда вы выигрываете, конечная наша цель — получить как можно больше качественней руды при наименьших затратах труда и средств. И главное для нас: внедрение новой техники и рационализации, повышением производительности труда, использованием эффекта соревнования достичь этой цели.

— Хорошо. Пусть немного точно подсчитает материальный эффект соревнования в рублях, тоннах, киловатт-часах. Тем не менее, бере обязательства или заключаю договор о соревновании, мы должны быть убеждены, что оно даст определенный положительный результат, поможет повысить показатели, достигнутые в области производства.

— Так оно и есть. Выключая в соревнование, надеясь победить в нем, обойти своих друзей-соперников, а чтобы победить, ищешь скрытые резервы увеличения производства, экономии, новой организации труда — все это в конечном итоге непременно сказывается на показателях.

— Но ведь, и в другом соревновании, когда вы выигрываете, конечная наша цель — получить как можно больше качественней руды при наименьших затратах труда и средств. И главное для нас: внедрение новой техники и рационализации, повышением производительности труда, использованием эффекта соревнования достичь этой цели.

— Хорошо. Пусть немного точно подсчитает материальный эффект соревнования в рублях, тоннах, киловатт-часах. Тем не менее, бере обязательства или заключаю договор о соревновании, мы должны быть убеждены, что оно даст определенный положительный результат, поможет повысить показатели, достигнутые в области производства.

— Так оно и есть. Выключая в соревнование, надеясь победить в нем, обойти своих друзей-соперников, а чтобы победить, ищешь скрытые резервы увеличения производства, экономии, новой организации труда — все это в конечном итоге непременно сказывается на показателях.

— Но ведь, и в другом соревновании, когда вы выигрываете, конечная наша цель — получить как можно больше качественней руды при наименьших затратах труда и средств. И главное для нас: внедрение новой техники и рационализации, повышением производительности труда, использованием эффекта соревнования достичь этой цели.

— Хорошо. Пусть немного точно подсчитает материальный эффект соревнования в рублях, тоннах, киловатт-часах. Тем не менее, бере обязательства или заключаю договор о соревновании, мы должны быть убеждены, что оно даст определенный положительный результат, поможет повысить показатели, достигнутые в области производства.

С управляющим рудоуправления имени Коминтерна Александром Романовичем ЧЕРНЕНКО беседеует специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ

ПЕРВАЯ В КРИББАССЕ СТОЛОВАЯ ПОД ЗЕМЛЕЙ.

Всякое предприятие способно внедрять на любую новую технику или новые методы труда, а только те, которые подпадают под организацию производства, существующую на данном предприятии. С другой стороны, люди, которые непосредственно осуществляют внедрение нового, уже должны быть психологически готовы к этому. В противном случае работа не идет. Вот и получается, что все три компонента жестко взаимосвязаны. Отставание какого-либо приводит к сдерживанию других.

— Значит, все три составляющих должны продвигаться вперед одновременно!

— Желательно. Хотя не всегда удается достигнуть одновременного движения. Что-то вырывается вперед, что-то отстает. Но так как, повторяю, все три «якта» взаимосвязаны, ушедший вперед подтягивает застрявших. Иные ему и самому придется остановиться.

— А если перейти от теории к практике, то не могли бы вы на конкретном примере рассказать, как все это происходит? Как частное — допустим, внедрение новой высокопроизводительной машины — приводит к общему: перестройке всей организации производства на участке или шахте! Каковую роль сыграла тут психологическая подготовка рабочих, инженеров, техников?

— Такой пример являю нетрудно. Но хотелось бы еще несколько слов сказать из области «теории».

Если проследить доклады, которые в последние десять лет были сделаны в Криворожье на различных семинарах, конференциях, симпозиумах, то легко заметить одну любопытную деталь: менялись докладчики, аудитория слушателей — только основной тезис выступавших оставался неизменным:

плохо внедряется новая техника, медленно растет производительность труда, низок уровень организации производства.

Вот пример: в шахте «ОКБ» за последние десять лет, пожалуй, не осталось ни одного старого блока, и производительность выросла значительно и организация. А темп остался прежним: плохо, медленно, низко.

Так это или так и да и нет. Если смотреть с сегодняшней точки зрения, то мы все хорошо сделали, потому что бурение — недостаток — недостаток не перечислю. Это естественно. При достижении любой производственной цели результат вытекает посредственно в сравнении с сегодняшним и вчерашним — с завтрашним. Истинная ценность всего познается в сравнении.

— Но, согласитесь, не исключено и другое: новая техника — возьмем угольную — внедряется плохо сегодня не только по требованиям будущего, но и по сегодняшним меркам...

— Бывает. И чаще всего это происходит оттого, что не созданы организационные условия для ее внедрения. Проследим схематично путь, допустим, новой буровой установки от КБ до забоя. Предположим, что она успешно прошла испытательный период, высокую производительность, получила «добро» во всех соответствующих инстанциях. Начинается ее проталкивание непосредственно на производство.

Министрство говорит главному: надо внедрять новую технику. Тот — тресту, трест — рудоуправлению. Оно — шахте. И все: надо, надо... И только в последний момент шахта издается приказом: он вызывает начальника участка и говорит: «Пришла новая буровая установка. Завтра же опускаться в забой и давайте внедрять!»

Теперь на минуту представьте себе положение начальника участка. Ему переадресованную новую машину некому, помимо него, отдать в дело. А он отчасти знает, выполняет свою работу, знает, что такое бурение, знает эти бурные, взрывные, сейсмические работы, за подземный транспорт на своем участке, за дисциплину, технику безопасности, текучесть и обучение кадров. И в общественности к молодым рабочим надо звать, узнавать, как живут. И для собственной пользы вынужден показывать свое высокое производство, получать награды. Но рыночные санкции так расписан. А тут на его голову свалилась новая буровая установка. А это новая работа.

Но недостаток времени есть не все. Бурение — только часть работ на участке. И по объему не самая значительная. Выходит, выигрывает, который главный выигрывает, существует не свисает на обхоном уровне добычи бурения. К тому же начальник участка заранее не знает, будет ли толк от этой машины вообще. Мне, например, не раз приходилось самому внедрять новинки, сколько вообще заработал и в прямой и в переносном смысле!

— Где и получается, что самый главный человек, от которого зависит внедрение новой техники, бежит от нее, как черт от ладана...

— Где же выход?

— Нужно создать условия, чтобы внедряющий был заинтересован в новой технике.

— Тут перейти к конкретному примеру. Схема добычи железной руды сложная. Сначала пробываются шпурты. Туда приходят буряльщики и разбуравливают часть рудного тела (блок) скважинами-шпурами. Взрывники заряжают шпурты аммонитом и взрывают, а обрушенную массу скреперисты забывают скрепать в локам-грохотах. Оттуда она попадает в вагонетки подземной железной дороги, которые ведут ее к сипу, а дальше — подымая — на поверхность.

Начинают цикл буряльщики. Раньше они использовали «ПТ-38» — телоскопический перфоратор весом в 36 килограммов, который при работе все время нужно было держать в руках. Прибавьте сильную вибрацию, удары, шум, и вы получите не только физическое истощение буряльщика (вспомните пример бурения). В общем, работа тяжелая, грязная, большой выработки не дает. Потом «ПТ» установили на колесика. Стало легче, но влияние вибрации полностью не устранили, так как машину нужно было придвигать руками.

В 1968 году наш райончик Колпаков Валентин Александрович (буряльщик буровых шахт «Большевик») и Ляш Иван Серфимович (главный механик рудоуправления) — создали новую установку, названную в их честь «ЛК-68». В ней буровая часть осталась старой, заводской, но специальная приспособление место распределило ее между кроной и подовой выработки. Управление вошло на специальный пульт, теперь рабочему не нужно придвигать установку руками. Значит, не страшна вибрация, поэтому можно увеличить частоту ударов молота. Вдвое увеличили его ход. Ули масса молочей, которые помогали в работе. Короче, буряльщик смог обслуживать не одну, а две-три установки одновременно. Производительность бурения не исключено, что увеличилась. Валентин Александрович в среднем по Кривбасу равна 20 погонным метрам шпура. Личный рекорд Колпакова — 380 метров. Правда, это рекорд, а не ежедневная норма. А так члени его бригады дают метры по пятнадцать...

— Хорошо, новая установка увеличила производительность буровиков. Но другая — взрывная — не приспособлена к условиям — осталась со старой техникой и старой выработкой и тем самым резко снижали эффект, который обещала «ЛК-68»...

— Конечно, было бы лучше, чтобы все процессы добычи руды шли в ногу с бурением. Тем не менее победа даже на этом этапе дала нам. В буровых шахтах «Большевик» делался на четыре участка с полным циклом работ на каждом. Значит, было четыре бригады крепильщиков, четыре — буряльщиков и так далее.

Новые машины позволили одной бригаде Колпакова выполнять все объем бурения работ в шахте. Остаточный объем при этом буряльщики бурения бригады вместо четырех) можно было направить на узкие места.

Вроде бы все хорошо. Но возникла новая проблема: как организовать работу одной бригады буряльщиков на четырех участках? Ведь отбурив в одном месте погонные, они должны были перебраться в другое, перенести свою технику и приспособления. Если предположить, что при этом участка времени. К тому же трудно было скоординировать их работу с работой четырех участков. Эффект высокой производительности «ЛК-68» терялся. Организация труда, существовавшая в то время на шахте, вошла в противоречие с новой техникой. Единственный выход — менять организацию.

И мы решили создать на шахте участок, исходя из производственных и не производственных условий. Если предположить, что буряльщики на четырех участках объединял на своей площадке все процессы добычи руды — крепление, бурение, взрывные и сейсмические работы, — то теперь каждый специалистывался только на каком-то одном виде работ. Зато производил их сразу на всей шахте. Так и появилась установка «ЛК-68». Хотелось бы отметить, что на этом этапе не было ни одного случая, когда бы было изменено ныне производственные подразделения. Менялась организационная структура шах-

ты, вводился разделение труда по операциям добычи руды в более крупных масштабах. И это дало свои результаты. Теперь каждый участок мог сосредоточиться только на одном из видов работ. Главным. Руководители же участка становились хоть узким, но зато очень глубоким специалистом в этом деле. Не размыслился на остальное, он мог досконально изучать все новинки и усовершенствования, наживались непосредственно «его работы». Из консервативной буровой техники он превращался в главного ее защитника; старается внедрять ее быстро, без намылов и бесчисленных указаний «сверху», потому что эта техника может дать выигрыш в производительности сразу на всем объеме «его работ». Если она плоха, он способен дать квалифицированное заключение.

— Хорошо. Стоит ли говорить, что такая схема имеет свои минусы. Каждый последующий вид работ контролирует предыдущий: взрывники требуют качества и объема у буровиков, буровики — у крепильщиков... Наконец-то мы создали группу анализа и сетевого планирования, о чем раньше и мечтать не могли. И когда опыт «большевиков» перенесли на вторую нашу шахту — «Октябрьскую» — обусловили победу в соревновании всему рудоуправлению имени Коминтерна.

— Послушать вас, Александр Романович, все получилось легко и просто, но тогда непонятно, почему вы не пришли к этому раньше? И уж все загадочно, почему другие рудоуправления не последуют вашему примеру, достаточно победительному и вроде бы не особенно хлопотному... Неужели им не хочется ходить в передовики?

— Нарисованная схема только внешне кажется простой. На деле все было гораздо сложнее. И тем, кто пойдет вслед за нами, тоже не избежать сложностей.

— Уме же говорить, чтобы двигаться вперед, нужно не только иметь новую технику и соответствующую ей организацию, но и соответствующую психологическую подготовку.

«ЛК-68» получила имя от начальных букв двух фамилий: Ляш и Колпаков. Главным противником новой техники он превращается в главного ее защитника. Сверхънапряженный человек может предположить, что их вклад в создание машины равнозначен. И все-таки в названии «ЛК-68» обе фамилии вошли справедливо.

— Почему?

— Да, Ляш придумал, разработал, сконструировал высокопроизводительную установку. Колпаков же согласился отдать скрытые резервы. Они сотрудничали как инженер и рабочий. Их вклад был разным, но равным.

— Объясните, пожалуйста, что значит: «согласился отдать скрытые резервы».

— Колпаков был предшественником — Николай Иванович Митрофанов, тоже отличный буряльщик, специалист, каким я был. Но когда Ляш сконструировал установку, и мы сказали, что на ней можно бурить по сто метров шпура за смену, Митрофанов не поверил. И не пробурил.

— Но тут не исключено и другое: он мог решить, что если даже сто метров шпура за смену, то лучше всего не делать, а лучше всего соответственно увеличит норму и, таким образом, при прежнем заработке никому не будет давать в четыре-пять раз больше шпура, чем прежде. Зачем же стараться?

— Конечно, он мог подумать и так. Но должен был заметить и другое: на новой установке работать стало легче, удобнее, чище. Выработка буряльщика на одну смену увеличилась в три раза. А это значит, что он мог взять на себя машину. Но понять это дано не каждому. Колпаков понял.

— И установил стометровый рекорд?

— Нет, он так отплатил машине и тем освоил процесс бурения на «ЛК-68», что мог свободно перейти «сверху». Но мы подумали, что будет более убедительно, если Колпаков не станет руководителем, а рядовым членом бригады. К рекордам и высоким показателям Колпакова все привыкли. И дай он сотню метров шпура — никто бы не удивился: на то он и Колпаков. Вот мы и решили: пусть психологический барьер так помать.

И вот один прекрасный день говорят:

— Исаков: кому пробурить сотню.

— Где он! — спрашивают.

— Поднялся на поверхность, в душевую.

Конечно, стоило бы встретить рекордсмена с оркестром. Но времени на организацию уже нет. Буквально мы шпур аммонитов, зампанского, отвезли все Кузьмы домом. Встречай, мол, жена, жена, как подобает встречать героя.

По-моему, это отличный моральный стимул: дети, жена на маленьком семейном торжестве отмечают трудовую победу главы дома. Есть тут и еще одна деталь: если жена гордится делами мужа, то уж сегодня соседям, а тем более друзьям, она не сможет не рассказать о его делах. Живая душа, друг и друг на виду, а «беспроволочный телеграф» всегда работает безотказно.

Вскоре сто метров пробурил еще один член бригады Колпакова. Но буровики соседней шахты «Октябрьская» не поверили: психологический барьер оказался сильнее фанты. Тогда мы собрали в забой на «Октябрьской» еще «внеурочную» бригаду. Мы же были уверены, что если Ляш и Колпаков так смогли «переварить» укандено, а Виктор Щербинин говорит: «И я его перекурю».

Началось деловое соревнование буровиков двух шахт: кто кого!

— Ну и кто же кого?

— Вперед выходит то один, то другой. Сейчас у них личные рекорды почти одинаковые. И наградами они отмечены самыми вышними: Колпаков стал Героем Социалистического Труда, Щербинин награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Вот так помали психологию.

Кстати, Валентин Александрович отлично понимает, что сила прироста, сила инерции мышления очень сильна в людях. В свою бригаду он охотнее принял молодых выпускников нашего учебного-производственного комбината, чем изобретателей молотов, триггеров. Легче новичка научить новым приемам работы, чем переучивать ветерана.

— Между прочим, Александр Романович, Днепропетровский обком комсомола проводит конкурс среди молодых рабочих и инженеров на первое распределение. Мне говорили, что это мероприятие способствует развитию чувства любви, неуверенности, которое испытывают они, изобретая первое при приспособлении или усовершенствовании. Когда они войдут во вкус, познают сладость творчества, помощь уже нужна меньше. Но для первого шага нужен толчок.

— Это верно. К тому же мы не всегда учитываем такую сторону творчества, как самоуважение человека. Сознание, что он достиг чего-то, стимулирует

Другим было не по плечу. А ведь это чувство часто лежит в основе труда многих конструкторов, изобретателей, рационализаторов, передовиков.

Человеческая психология — вещь тонкая. Забыть о ней, сбрасывать ее со счетов нельзя.

В верности слов Александра Романовича о силе привычки, о трудностях ломки психологического барьера мне не раз пришлось убедиться, когда я сам спустился в шахту «Октябрьская», где беседовал с горняками, инженерами, техниками.

В свое время внедрили потугоручную машину «ПМЛ», которая при прокладке горизонтальных выработок должна была заменить обычную лопату. Облегчение труда, рост производительности очевидны. Но сколько времени понадобилось простоять «ПМЛ»: рабочие сдвигать простую лопату было привычнее. То же самое повторилось, когда внедрили новую каретку, когда для борьбы с пылью при бурении стали использовать воду... В общем, когда речь заходит о движении вперед, у Черненко есть все основания ставить психологическую подготовку вровень с новой техникой и новой организацией. Каждый из этих трех элементов существенно влияет на остальные два.

Начальник шахты «Октябрьская» Евгений Антонович Диденко рассказал мне, как раньше любили развлекаться эсп-практики, когда к ним на выучку приходили молодцы: то заставляет ведрами напряженно носить, то пошлет раздобыть соломы для кровли, то поставит парня грохнуть солдослом смазывать, чтобы руда, дескать, лучше шла. Тогда каждый работал сам по себе и шутка сходила с рук.

Теперь и новичок и мастер объединены в одну бригаду. Общая выработка, общий заработок. Если решить кого-то «разгазгать» — либо расшатаившаяся определенным снижением общей выработки, а значит, и своей получки, либо вынужденно новому неопытному товарищу, пока он бегает с двумя приколами. Принцип один для всех, все за одного: получил не только моральное, но и материальное оштрафовано.

Когда наш разговор с Черненко вернулся к соревнованию, я спросил: — Александр Романович, в словах В. И. Ленина, которые вы приводили, подчеркнуто, что в любом соревновании необходима сравнимость результатов. Для этого нужна единая точка отсчета. Что является такой точкой при поведении итогов в соревновании рудников?

— Выполнение плана.

— Но тогда предприятия ставятся в неравные условия. План руднику еспускается по итогам прошлого года. Тем, кто сбавляет хорошо, он выше, тем, кто плохо, ниже. Так что у отстававших больше резервов, больше шансов на этот раз выйти вперед, даже если абсолютный прирост у них будет ничтож, или отрицательным. Не проще ли вести отсчет от добычи руды на одного рабочего или от количества продукции, полученной на вложенный рубль, наконец, от себестоимости ее?

— Нет, не проще. Разумеется, план не всегда является достаточно беспристрастной основой для поведения итогов: у одного он завышен, у другого занижен. Но зато учитывает массу объективных факторов, в том числе и себестоимость, и качество, и количество продукции, и производительность труда одного рабочего, — в итогах выполнения плана как бы суммируются достижения по различным показателям. Поэтому, сравнивая конечные результаты, мы довольно объективно заключаем, кто победил, кто отстал. Тем более что отстававший в прошлом году так может вот так сразу вырваться вперед. Причины отставания лежат глубже простого желания или нежелания хорошо работать.

К тому же очень трудно выбрать иную точку отсчета для сравнения. Чаще всего условия деятельности двух предприятий различны. Нельзя привести общую основу в чистом виде. Взять хотя бы рудники Кривбаса. Казалось бы: один пласт железной руды, чего тут мудрого! А нет. У нас толщина рудного тела — 5—20 метров, у рудника имени Гурлова — 10—100 метров. Мы быстрее обрабатываем его и вынуждены быстрее углубляться в недра. Мы берем с руды с горюхитом 815 метров, скоро перейдем на 990. А это дополнительные капиталовложения, затраты средств и труда на подготовительные работы. Поэтому у рабочих, не занятых непосредственно добычей, у нас больше. Отсюда и цифры: в среднем по Кривбасу ссыла руды с одного квадратного метра поля (так называемый коэффициент эксплуатации) равен 71 тонне, на нашей шахте «Октябрьская» — 139,6 тонны. Качество руды у нас выше среднего уровня — это позаботилась природа, а добыча на одного рабочего ниже. А мы соседям. Несколько оснований на троллейбусе.

Если же сравнить с условиями высокогорья, то и вовсе не известно, с какой стороны подойти. У них пласт мощнее, малое его круче, вращающаяся порода крепче — это позволяет разбуривать и взрывать большие монолиты руды. Представьте: наш блок весит 30—40 тысяч тонн, у них до полу-миллиона. А это обеспечивает нам более высокую производительность.

Так что если сравнивать работу по таким показателям, ничего не выйдет: слишком разные условия. Если же точкой отсчета станет процент выполнения плана, то по нему реально выявить победителя.

— Из-за этой разницы в условиях, очевидно, не просто обмениваться передовым опытом!

— Выражение обмена опытом нельзя понимать лишь буквально. Обмен состоит и в том, чтобы понять суть лучшего, что есть у других, и эту суть применить у себя. Чаще всего приходится заимствовать принцип новшества, а не само новшество.

Приезжал я на делегацию горняков с Урала. Им понравилась установка «ПМ-68». Дали им мои чертежи и дали одну машину целиком в подарок. Но думаю, что они от нее не и запустят работу. Они бурят шуры и пряжки другой длины, значит, что-то будут переделывать, подгонять под свои условия, хотя сам принцип — вынос управления на отдельный пульт, дающий возможность одному буряльщику работать сразу на нескольких машинах, — им подошел.

Возможно, они и чем-то не превзойдут. Тогда уж мы будем переименовать лучше. Учиться иногда не поздно и всегда полезно. Мы вот ходим в передовых, а сидели недавно делегация в Заполярье — это под Мурманском — и видим: кое в чем нас обскакали. Приехали домой, создали комиссию по разработке новшества. И вот уже везем его в Ленинград. Там для тех Колпаков. Этой осенью он, Е. А. Диденко и Н. И. Гуржос, руководитель наших рационализаторов, побывали в гостях на Высокогорском руднике. Вернулись, говорят, Колпаков какую-то новую машину строят: рывок. Значит, не зря ездил, что-то заметил.

Социалистическое соревнование — очень эффективное средство увеличения производительности, повышения качества продукции и культуры производства. Жаль, что мы не всегда используем все резервы, скрытые в нем.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ПАРТИИ КРАСНОЙ АРМИИ И
КРАСНОФЛОТСКОГО ФЛОТА

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

ФЕВРАЛЬ

№ 3 (1073)

1972

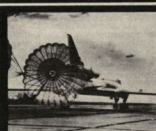

НАША ОБЛОЖКА:
в Новосибирском застро-
гическом институте
можно легко читается
по тейлорскому.

Фото Владимира ЧЕРШИВИ
ФОТОЦЕНТР «ДИПЛОМ И
ТОРЖЕСТВО» — НА СТРА-
НИЦАХ 12—18.

4

КОЕ-ЧТО О ПАРАШОТЕ.
Рассказывает конструктор
парашютных систем
доктор технических наук,
лауреат
Ленинских премий
Н. А. ЛОБАНОВ.

8

НОС КЛЕОПАТРЫ.
Иронический рассказ
Свяшчу МАМЕДЗАДЕ.

20

СПАЛОМ ПРИ ФАКЕЛАХ.
Фоторепортаж
Виктора ВОРОВЬЕВА.

24

Режиссерская тенденция
Эльдыра РЫЗАНОВА —
внимание к человеку.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**ПЯТИЛЕТКЕ — УДАРНЫЙ ТРУД,
МАСТЕРСТВО И ПОИСК МОЛОДЫХ!
УРАЛЬСКИЙ АВТОГРАД**

**КРУГОЗОР СОВРЕМЕННОКА.
ЗДОРОВЬЕ: ДАР ИЛИ УМЕНИЕ!**

НОВОСИБИРСК — ГОРОД СВОЕГО ТЕАТРА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ: В. С. Абышев, Г. П. Енисеев, А. П. Кулошов, А. А. Лизан-
ков (ответственный секретарь), В. В. Лукина (заместитель главного
редактора), В. Г. Педободисов, Р. И. Ромашенко, Е. Е. Рабчиков,
Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник),
Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

● ВМЕСТО ГИЛЬТИНЫ — ПРЫЖОК С КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ ● РК — ЗНАЧИТ «РАНЦЕВЫЙ КОТЕЛЬНИКОВА» ● КАК РОСЛИ КРЫЛЬЯ ДЕСАНТА ● САМЫЕ НАДЕЖНЫЕ ТОРМОЗА ● ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА! ●

КУПОЛЫ НАД ГОЛОВОЙ

СТЕНДАЛЛ КАК-ТО СКАЗАЛ: «Стремление к новому есть первая потребность человеческого вооружения». Афоризм великого француза, казалось бы, невозможно отнести и его соотечественнику Жану Дюме — убийце, приговоренному к смерти в Париже в 1777 году.

Но его идея нечто пострашнее гильотины. Дюме предположил прыгнуть с парашютом... в баллоне из тяжелой и грубой ткани, который придумал профессор Дефонтан.

На крыше Оружейной башни он помог Дюме надеть баллон и, когда все было готово, легонько подтолкнул его.

Выбора не было, и Дюме прыгнул. Всего две или три секунды он летел вниз, неслышно раскинув руки, и над ним хлопала полотняные крылья.

Дюме повалило. Он благополучно приземлился: страшный баллон, сшитый из лоскутов, помог человеку спуститься с большой высоты и остаться в живых.

Но еще задолго до Дефонтана — в XV веке — мастер из итальянского города Винчи по имени Леонардо набрасывает углем человеческую фигурку: она висит на шнурках под остроношеным колпаком. Под своим наброском Леонардо да Винчи пишет: «Если взять полотняный натянутый шатер, у которого каждая сторона имеет 12 локтей в ширину и такую же высоту, то человек может сброситься с любой высоты, не опасаясь гибели...»

Какой-то американский инженер подсчитал, что от рождения технической идеи до ее воплощения проходит примерно 250 лет. Если посмотреть на то, как развивался парашютизм, можно согласиться с выкладками американца: как раз немногим более четверти тысячелетия потребовалось для того, чтобы идея Леонардо да Винчи обрела свое материальное воплощение в виде купола, натянутаго на жесткий каркас, с которым его создатель Себастьян Ленорман прыгает из окна observationной во французском городке Монпелье (истатит, именно Ленорману принадлежит и название конструкции — «парашют», то есть «против падения»).

После француза были: Элиза Гернер — первая женщина-парашютистка; Кайя де Кастелла — она раньше мужчин начала прыгать с самолетов (и во

Доктор технических наук,

лауреат Ленинской и

Государственной премии

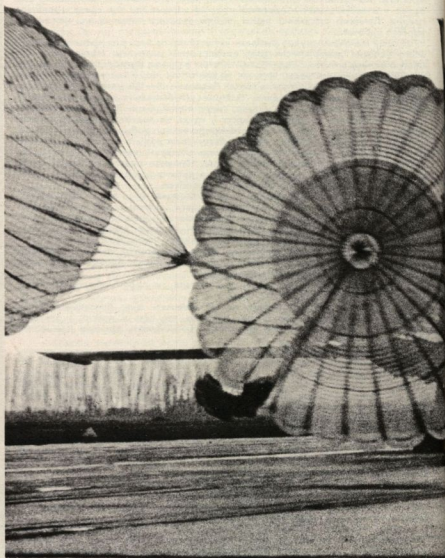
Николай Александрович ЛОБАНОВ

отвечает на вопросы специального корреспондента «Смены» Евгения МЕСЯЦЕВА

НАЧАЛО ВЕКА. ИСПЫТАТЕЛЬ ПРЫГАЕТ С МОСТА.

И ТАКОЕ ПАРАШЮТ РИСОВАЛА КОНСТРУКТОРСКАЯ ФАНТАЗИЯ.

нужно заручиться впечатлениями мозга. Здесь все в руках человека.

— Вы говорили о манекенах, которые обычно левыми прилегают с новыми парашютами. Как это эмигранты и как кообщие выглядят ваши неразговорчивые помощники!

— Ну прежде всего не такие уж они молчаливые. У нас बहुत термин «говорящий манекен». Такой манекен обвешан всевозможными датчиками, которые сообщают буквально все, что происходит с «Ваней», когда его бросают с самолета. Вы спросили, как выглядит «Ваня»? Деревянные или пластмассовые руки и ноги, довольно симпатичное лицо, куда более мужественное, чем, скажем, у манекена на витрине какого-нибудь универмага. Одет наш «Ваня», как правило, по последней авиационно-космической моде. Висит манекен киногограммом: это соответствует полетным или командным в полном летном снаряжении. «Ваня» первым прыгает с новой системой, он первым «скажет» нам, что и как. Вот почему даже нас он не просто разрушающийся кусок дерева или пластмассы...

— Всегда ли в вашей работе все было так, как вы хотели!

— Мое желание постоянно сводилось к одному — найти самый короткий путь к решению той или иной технической задачи. Однако всем известно, что и на кратчайшем пути могут лежать препятствия из очень замысловатых проблем.

— Были ли у вас оригинальные идеи!

— Лично у меня, пожалуй, нет... (Продать свои изобретения доктор Лобанов реализовал в конструкциях парашютов различного назначения. — Е. М.)

— Может быть, что-нибудь подобное было у ваших коллег!

— В 1931 году старший русский военный летчик Павел Игнатьевич Гроховский предложил авиависы, или, как тогда называли его идею, «брюющий десант». Под самолеты он советовал подвешивать многоэтажные фуруны на колесах. Самолет снижался до нескольких метров и на ровной местности отцеплял фуруны с десантом.

На испытание все прошло гладко, но в серию авиависы не пошли — слишком велики были риски. Тогда Гроховский предложил гидроавиависы — тот же фурун, но уже с лыжками. Самолет должен был бросать его на воду — так безопаснее, считал Гроховский. Этот проект нашел сторонников — Красная Армия получила наставление по его боевому применению.

Перед войной мы испытывали и другой, не менее оригинальный способ десантирования. Тихоходный самолет снижался с него спускали брезентовые полотнощиче. Бомба садилась в снег и съезжала на землю, как с детской горки. Пробовали десантировать бойцов с помощью обычных гимнастических канатов: чтобы не обжечь об веревку руки, авторы проекта предлагали пользоваться металлическими кольцами (их надевали на канат); десантник хватался за кольцо и съезжал вниз... Накануне войны немцы сконструировали «десантную бомбу», в которой лежа располагались три человека с оружием. Бомбу сбрасывали с самолета (бомба опускалась на парашюте). После приземления десантники открывали «скорлупу», разбирали оружие и были готовы к бою...

— Иногда слышали, что где-то не сработал парашют... возникла исключительно опасная ситуация... О чем вы думаете, что чувствуете, получая подобные сообщения!

— Современный серийный парашют, если вы решитесь с ним прыгнуть, даст вам больше гарантий остаться в живых, нежели, например, поездка в легковой машине. Представьте — один несчастный случай на пятьдесят тысяч прыжков. И chance всего это случай — ошибка самого парашютиста... потеря самообладания в момент, когда нужно действовать решительно и быстро...

— Как вы относитесь к соперникам парашютистов! Насколько они сильны! Что вы можете сказать, например, об американском «всплывном» роле, реактивной летательной платформе, ракетном поясе — словом, обо всем, что, по мнению некоторых специалистов, лучше, эффективнее парашюта!

— Я думаю, что парашютистам еще рано говорить обо всем, что вы перечислили, за границей проходит лишь стадия испытаний — это во-первых. Во-вторых, ракетные пояса, летательные платформы и «всплывной роле» никогда не смогут полностью заменить парашют...

Николаю Александровичу шестидесять два года. Он высок, худощав и медлительнее. Словом, его трудно представить прыгающим с парашютом. И в разговоре доктор Лобанов — парашютист. Всем своим существом, всем мыслями. Это знает тысяча свидетелей, у которых за спиной или под пилотским сиденьем сложенные легкие «лобановские» крылья.

Дмитрий КОВАЛЕВ

На краю света

Он — как листок в зиме,
Слетевший с листа,
Рассветный остров,
Рай лет самот,
Край света.
Начало родин.
Конец чужбины.
Венец
Моей ситяльской чужбины.
Сруб у скалы —
Как у пенки опенок.
Ржет петух,
Улетит мерибенек,
Мычит теленок,
Пес летит незлобно.
Куст у скалы —
Как у плетня крапива.
Стояки стоят у бутыл
Осыняного.

Но и ввесетного
В своем здесь много.

Все пося
И полость —
Бок о бок.

Кромешность впадни
И небесность сопки.
И мирная избушка.

И застава.
И альпийские косябы.
И строй устава.

Довершая любовь.
А ты так зарок.

И нет почти твоих здесь —
Гробы за сорок.

А здесь прями,
А здесь ползут
Сосиски.

И ели стелются здесь,
Как поземки.

А те, что не ползут,
Так горбят спины.

И у барз
Приплюснуты вершины.
Тропический бабук.

Лышанки тунды...
Незащищенность душ.

И разум мудрый.
Великий Тизий спит,
Овьян снами.

Но им-то знаем:
Он там тузюан.

Свет и тьма

(Триптих)

1
Под вечер буту пождуют
И соныры.

И чайник ни на фут не отстает.
И в пене скалы,
Как в снегу на севере.

И брызги от заката —
Как пыл самот

...Как слово бы
Венеция летучая,
Когда стемнеет,
Океан в огни.

Мой черной небо чайник —
Белой тучею,
То взмоют,
То садятся на волнах.

А зубы — жюри,
Густо-синие,
Зеленые.

А гребни — всплышки.
А кругом — черное.

А брызги — искры,
Розные, солёные.

А зарева
Качаются чудно.

А струяна вымела
Славуи рощею,
Минт,

Перешептываясь с высотой...
Волнобное,
Невиданное зрелище!

Но есть ли дно
Под этой красотой!

2

Спящий столб
За косяками следовал.

Туманил слепоту,
Скользил по ней.

Целии рубиновым
И фиолетовым
Полотна быстрых
Воздушных полей.

Вода прощита
Морским животным.

Идут на свет пылающий
Косюки.

От яркости его
Хоть оно вышло.

Незащищенность души.
Хотью тину —
Хотью броски.

Из глубины —
Кальмары реактивные.

с неба чайник —
На лету клюют.

Кипит на палубе
Страда путника.
И густ треплет
Удушьями каюта.
А рыбак —
В оранжевом,
Томарином,
Что красноваты...
В сияющих простуд...
Набитый серебром кул —
Сбору урожая.
И густ треплет
Растут, растут.
Неумоимость.
Смертная усталость.
Сныи. Мокрота.
Качание валок.
И небо палит звезды,
В куль устывает.
И мечты краивают:
«Хорош улов!»

3

Но вот уже
Забрезжила денница.

На дальних скалах
Славуи реату.

Рубна на туморах
Леденится.

Снежин настречу солнцу,
Кочича туду.

Один, без членк.
Сытые убрались.

Изыменные рыбки не спят.
Переживая вместе с ним

радость,
Нелегкую удачливость ребат.

И островок встает
Уже пригретым.

И на зеркальности
Самлет след.

И мы опьянены
Рубином светом.

И мы из темноты
Снежин на свет.

И прорвется душевно
Так охота...

Чтоб кто-то
Не воспользовался тобой.

Как хорюю,
Что это свет воздуха!

И мы в прозрении
Идем домой!

Лев ТАРАН

Остановка У Арбата

Памяти Д. КЕДРИНА

Профиль юности бесшестерной
Промелькнул в огне трамвая...

Шел позз навстречу ветру,
Строчки светлые слагая.

Попаралая очку руною —
Неуклюжий и неловкий.

И чего-то ждал с тоскою
На трамвайной остановке.

Жизнь — он думал — быстротечна,
Улетит она куда-то.

Но останется
Навечно
Остановка у Арбата.

В этом гаме, в этом ветре,
Там, за стеклами трамвая,
Он увидел
Лиз бесшестерную,
Улыбая и страдая.

Вспоминаю о лозте
Ничего. Грустно. Винохотю...
Вот и нет уже на свете
Остановки у Арбата.

Возвращение

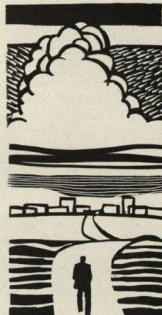
Как все вокруг переменилось:
Застроено озеленилось.
Домов было — ни одного,
Как будто бы попал в немилюю
Доцятый городок его.

По новым улицам на ошупь
К собору вышел он —
на площадь,
Где только лип неровный строй
И стоял толпкой ледяной,
Чтоб ветки дом удержать свои.

Ну что ж, он старую утешит,
Он за плечи ее удержит,
Прочнет неласково и груди,
— Не плачь! Ведь я здоров,
как прежде.

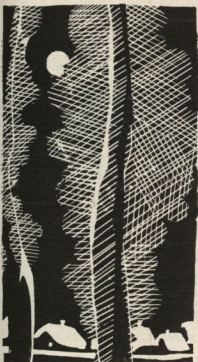
И все несчастья позади.
Тепло. Игрушки в скворце дети.
Он шапку снял...

И мокрый ветер
Внезапно оступил чело.
И мучно жила на белом свете,
Хоть и не вышло ничего.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Лунная снежность

Радужный круг за туманностью ясеня,
Сатурн-сиреневый, в ниссе, седь,
Вясе золотикнам спылется, всяся,
Явственно слышимый, светает свет.
Хотелась сама в невесомости слышимая,
Словно твоя мысленный шевелит во мне,
Словно и сама все выше и выше мы —
Светом ночным на воздушной волне.
Близости авь, долгожданную, краткую,
Радость надежды в нелегкой судьбе,
Всё, что пишу, лишь доверия упрядую,
Но, отослав не решился тебе.
Слышь так тепла из затопленной горницы,
Дальность и днится, как отзвук, звезня,
И за агитованная живительный гониски,
Как безнечность сама сквозит меня...
Вся заметенная, легкая, снежная,
Неповторимая лунность в селе,
Тихая, тихая,
Ночная, ночная
Садрость боли
На светлой земле.

Речка Якоть

Тихая речка Якоть...
Сквозь сад водой —
Заканплать,
Легкие тени отбросил,
Листья шумят в попутыле,
Нерезервированных вопросов
Словно и нет на земле,
Молча смотреть,
как по плесу
Тихо плывут облака,
Как в перелесках белесых
Долго плывет река.

И в полночь и в полдень опять
Сымаюсь, как будто в нелево.
О, если б суметь рассказать,
Кому-нибудь все рассказать —
Случайному встречному, что ли...
Поведать ему не спеша,
О чем заболела душа,
Пускай не поймет ничего,
Пожмет удивленно плечам...
Каково-то есть волновство
В такой откровенно случайном.
И кто бы он ни был —
любой!
Пусть праведник, пусть
привередник,
Незначный твой собеседник,
Скажется единственным твой.

Останься там...

Там верность,
Где в судьбе
Все так неверно.
Там,
Где меж нами даль,
Мы так близки.
И я мечту свою
В тебе, наверно,
Люблю
До смертной боли
И тоски.
Останься там,
В той дали
Неизвестной,
Где не ступала
Пошности нога,
Где так неведом путь
Тажной бездной,
Там сию пронзительна
И так заоблачный снега.
Где даме в мыслях робость,
Три кристаллина
Мечта,
И до не так далеко.
И так светла
Без подозрений
Тайна,
Что в полосу стынь
Дышать легко.
Я сам
Все там,
Где жизнь
Со смертною радом,
Где в тебе
Лишь мысленно
Ласкал.
Цветет поляриям
Праздничным нарядом
Ночь расписная
Меж ледовых скал.
И белый паровоз
В воображении
По лунной полосе
В разлив весны,
Широко развернувшись,
Отраженья
Разбил
И высидел меня
В твои девичьи сыны.
Останься там,
Сквозь зары,
Всей той же
Дальней близостью жмем,
От будущего
С кровью отрываая,
В невведомое прошлое
Зови.

Костры

Горят костры,
Как согит лед назад.
В ночь в глуши
К ним жадно рук тянут.
А искры
— в небо черные летят.
Они излетят —
И сплуткинам стунт.

Мне приснился школьный друг,
умирающий давно.
Будто встретились мы вдруг
около кино.
Он стоял возле дверей
с девушкой одной,
Милой девушкой
моей
будущей женой.
И его победный взгляд
радость излучал:
Оподал ты [to-to, брат!],
и то-то, опоздал!
Вот уже они в фойе
медленно вошли.
Я не знал, что делать мне,
и стоял вахли.
Нежно они склонялись и она,
и к ней, и к нему.
И помочь в беде молнии,
не было кому...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Олесь НИКОЛАЕВА

Все признают, что только наличие таланта дает возможность человеку стать поэтом. Разумеется, если он развивает его. Но талант не приобретается, и отсутствие его ничто не может заменить. Даже добросовестный, упорный, благодарный труд. Если же талант есть, он всегда проявляется рано, часто в детские годы. Особенно в искусстве. Очень важно вовремя его заметить и человеком поддержать, помня, что вещество таланта чрезвычайно сложно, хрупко, нежно, но и отъявлено из внимания.

Мне нравятся стихи московской десятиклассницы Олеси Николаевой. В ее стихах я вижу лицо и возраст автора, искренность и богатство чувств, свое собственное видение и открытие мира. Она уже строит свое отношение к миру. Чувствуется, что стихи у Олеси возникли из огромной душевной потребности высказаться, вылиться, поведать миру — не написать их она не могла. Вот почему я с радостью встал на ее пороге путника по собственному опыту, что этот путь отнюдь не легкий, но поэтами не становится те, кто идет легким путем. Удач тебе, Олесь!

Дачня КУГУЛТИНОВ

О России

Кричать всей силой:
Люблю Россию!
Люблю Россию!
В озерной сини,
Люблю нетленной!
О сокровенные
Цветы и запяты,
И постопное
Востока с западом
Сильные странное.
О несказанные
Цвета и запяты,
И постопное
Востока с западом
Сильные странное.
О несказанные
Цвета и запяты,
И постопное
Востока с западом
Сильные странное.
О несказанные
Цвета и запяты,
И постопное
Востока с западом
Сильные странное.

Что я помню о Белоруссии

Мы жили в Белоруссии,
в деревне
Заброшенной, неведомой,
глухой,
Не очень новой
и не очень древней,
И с нами жил двухчасовой порой,
Густы леса и разноцветны порой.
Вода в реке прозрачна и легка.
А вечерним дымяном белосой
Окумная нас запах молока,
Распаренный мулик —
линейный полдень
Нас в тень деревьев хвойных
загонял,
А за рекой коровий колокольчик
Позванивал, тревожа и маня.
И синие лесные колокольи
зеленые колокольчики в ответ,
Спокойствие немеряных просторов
Струилось по нехоженой траве.
А после ночь брела
и что-то лепа
[Какие песни были и ношей!
И постепенно становилась
цельм
С любовью независимой, нечий.
Большие луны пряталась в речушко,
Как детские синие полузвонкий дар,
А их шары, кровавы и воздушны,
Жгли над рекой неустойчивый пожар.
Так аккуратно újra наступали,
И опускались снова вечера,
Что мы не знали,
Правда, мы не знали,
Пришло ли Ныме,
Днялся ли Вечер!
Не верилось в безмолвии
бесечно,
Что здесь недавно ушла война.
Я так хочу, чтобы это было вечным!
Деревья, Белоруссия, луна.

Воспоминания о Лесе

Над деревьями, над лесом
Пробегает смешок.
Солнцу волному расцветет
Лес, как грешбоск.
А когда с тобою и морю
Мчался со вдах ног,
С солнцем падающим спора,
Сыпался песок.
Солнца огненная лава
Катит колесом.
А волна движеньем плавным
Поднесет песок,

За волной идет другая,
За другой — еще!
В море тепло вбегаю,
А оно течет.
А потом ядуть море лжегат
Галькой, как костылем,
И, смущаясь, тихо скажет:
«Хочешь ли Возьмись!»
Указу я каковы-то чеклуку
И взурный бога.
А когда тряху я челкой,
Сылается песок.

Иррижский рассказ

1.

Марк Антонио великолепно заколол мечом.

Тубебан хлопала долгие ресы, передав мужу театральные бинокли. — Каким злобам — видокула она в завистливом восхищении далеко-дально потопила, когда они вышли в фойе.

У гардероба выстроилась уже очередь, и впереди стояли доцент Гамбарди с женой, с которыми они уже виделись в антракте и поздоровались сухо, но вежливо; на груди у доцента поблескивала кукла с бирюзой, и муж галантно продал ей норковую шубу. Тубебан безразличным взглядом смотрела на шубу, все еще находясь под впечатлением спектакля.

— Как она красиво умерла,— произнесла она, когда они сдавали бинокль гардеробщнице.— Потрасающая смерть. Тебе понравилось?

— Очень,— ответил Алиага Кулиевич, подавая ей плащ на подкладке и думая о том, что сейчас за кулисами Марк Антонио снимает с лица грим.

— Нет, правда? — повторила жена.

— Правда... — ответил он, представляя, как рабочие сцены бросают бутфорочную амуно в сумку для реквизита.

Он хотел сказать жене, что не такой уж Клеопатра ангел, как она думает, но промолчал.

Она шла рядом, боясь расплескать ту дозу эмоций, которой ей недоставало в обывательной жизни; она продолжала жить теми чувствами, и когда они вышли на улицу и когда искали такси. Всякое обсуждение сделало бы его в ее глазах педантом и занудой, и он молчал, потому что знал о Клеопатре больше, чем Тубебан. Он должен был оставаться заботливым супругом, водившим жену на премьеры, и рядом с ним шло море женского восхищения в прозенженном платье.

Когда она вышла из здания, он продолжал лежать на диване, глядя на театр мотылька в плафоне, залетающего в комнату, напером, прошлым летом. «Глушуй», думал Алиага Кулиевич.— Вот уже столько веков ты летишь на свет и не знаешь, что это твой погильей. Он перевел взгляд на Тубебан, присевшую рядом, и понял, что она уже вернулась из первого века до новой эры на третий этаж крупноблочного дома в микрорайоне. Тубебан смотрела на него короткими, мечтательными глазами, и от нее пахло медом.— Это такие духи, пахнувшие медом. Так благоухать, должно быть, пышные волосы прекрасных нунолических женщин, воспетых в галеех великого мыслителя и поэта М. С. Багдади, о котором Алиага Кулиевич писал кандидатскую диссертацию.

Тубебан мечтала смотреть на мужа.

Под сетевой ее бровей трепетали стрелы ресниц, готовые возникнуть в устале сердце будущего кандидата. Рубиновою она тамли тридцать одну жемчужнику, а тридцать вторую Тубебан недавно удалила у частного дантиста.

Алиага Кулиевич снова посмотрел на искусство.

— Надо бы протереть плафоны,— сказала Тубебан.— Ты обратил внимание, как подавал шубу Гамбарди своей половине? — Она выдернула паузу.— И без того толстая, да еще шуба полнит... — Она многозначительно выдохнула...

— Зачем тебе шуба в городе, где двести пятьдесят солнечных дней в году? — сказал он.

Она ничего не ответила и сразу подыалась, пожелав ему спокойной ночи, потом все же наклонилась к нему, и он поцеловал вязыки и пресный слой крема для увлажняющей кожи и тогда только заметил, что на глаза ее нависли слезы.

— Проклятые слезному шайтану,— подумал он.

Оно стало сразу не по себе, и тишина в доме обрела зловещий, гнетущий оттенок, и оно возмело зацепило сердце от ощущения хрупкости покоя и согласия. Ему казалось, что эта тишина в доме — мина замедленного действия или дымовая завеса, и к нему полетел медленный огонь, и этот огонь можно погасить, лишь накрыв его норковой шубой, такой же, как у жены доцента Гамбарди...

Из кухни под дверь пролез таракан, гуляющий по поверхности аэрозольного моря, и победил к сырпату. За осном на густьере лапши уличные собаки, на лапке донесли пакеты, грудной быт, и порд поступалав прессыванной фанерой о перила балкона; это были единственные звуки, насладившие тишину ночи.

Он прошел в спальню, где в темноте слышались дыхание жены, выгул вставную челюсть и полойка в стакан с водой на тубебане. Подушка пахла медом.

2.

Позволили у дверей. Он пошел отворить. Перед ним стоял старец в чалме и холщовом рубчике, и от частого дыхания колебались волосы на длинной бороде.

Принесен приложил сморщенное, старческое ладонь к груди и произнес хрипловатым голосом:

— Мохаммед Багдади. Мыслитель древности.

Алиага Кулиевич смерил гостя подозрительным взглядом. Он подумал,

что его решили разыграть шутники на киностудии, где он консультировал фильм о Багдади.

— Что вы так устали на меня? — спросил старик, несколько задержавшись приемком.

— Вы что, думаете, я клюю на вашу удочку? Ну-ка, снимайте бо-роду.

— Помилуйте, но...

— Нечего голову морочить. Я вам в отцы гожусь. Постыдился бы. На ночь глядя...

Гость ничего не понимал. Алиага Кулиевич продолжал, гордый своей простотой:

— Я вас сразу узнал, вы Алексеров.

— Кто этот раб божий?

— Исполнитель главной роли.

— Я же сказал, что и Багдади! Клянусь жизнью своих детей...

— А дети у вас есть? — перебил хозяин.

— Есть... То есть были...

Какой-то бодрствующей частью своего разума Алиага Кулиевич осознавал, что это не должно быть, сон, так оно и есть, но потом тревоже ощущение грани между явью и сном стерлось, и он воспринимал все как захватывающую реальность... И, поверив в эту реальность, он стал почитательным и равнодушным.

— Алиага-ибн-Кули. А я-то сперва подумал... Вы были такой огромной, такой... Прощайте, милости прошу.

Гость степенно вошел в комнату, осматривая обстановку.

— Ваше появление как нельзя кстати, Мохаммед Сулейманович, прошу прощения, почтенный... Вы тема моей диссертации. Говори по-вашему, трактат.

Мыслитель озадаченно промолвил:

— Я, кажется, отстал от времени. Простите, который теперь век?

— Двадцатый.

— Я так и думал. Много воды утекло. Вечность смежила мне очи, и я пробрел во мгла неведения. Что же произошло в мире, повсатите меня.

— Это долгая история,— овладев собой, ответил научный работник.— Впрочем, обо всем вы можете прочитать в учебнике. Кстати, там и о нас есть глава. Несколько восторженных страниц. Ваш покорный слуга viene посылаю ленту... — Гостюком приднудал мыслителю стул.— Что ж вы стоите? — Он указал на видя ахалла.

— А это что за приспособление?

— Стул, почтенный.

— Мне показались, трон. В наше время сжижали на коврах, обложки-шиша подушками. А на троне, дар любезный, и шатко и валко.

— Спасибо.

Стены раздалась, и Алиага Кулиевич увидел, что они очитились в просторном зале с мраморными изваяниями, только стул, который он предложил гостю, остался прежним. Иадалека доносился детский голоса и шаги. Это были пионеры, предводительствуемые женщиной-экскурсоводом.

— Кто это?

— Школьники. Подрастающее поколение. Интереснее. История сохранила очень мало сведений о вашей жизни. До сих пор в научных кругах идут споры о дате вашей смерти. Вот доцент Гам...

— Хотите, позволю,— перебрал гость из глубины веков.— Разве я-умер?

— Да. В триста восемьдесят девятом году хиджры. Я убежден в этом. А вот доцент Гамбарди...

— Знаете, пока я шел к вам через столько столетий, я успел все позабить. Я даже, видите ли, не помню, что и умер.

— Вы не умерли, нет, умерла ваша бренная плоть, но дух ваш живет в наших сердцах.

— Светает. Мне пора к себе в десятый век.

— Подождите, прошу вас! Еще немного. Мне с вами нужно выписать некоторые детали.

Но их все obstructия подошедшие экскурсанты.

Мыслитель замер от неожиданности. Алиага Кулиевич отошел в сторону.

А это, ребята, знаменитый мыслитель древности. Скульптор изобразил его в глубоком раздумье.— Экскурсовод подошла и вставившей фактуру плитную, протянула указку.— Вот эти резные морщины, идущие к углам скорбно сжатого рта, как нельзя лучше передают меру страданий, извечных великим гуманистом.

Мыслитель захотел чихнуть, но сдержался.

— Он томорщился... — звонко воскликнул шустрый, глазастый пионер, стоявший ближе всех.— Честное пионерское!

— Не говори глупости, деточка,— недовольно сказала экскурсовод.— Это же скульптура. То, что тебе так показались, еще раз подтверждает талант ваятеля. Работа, между прочим, представлена на юбилейной выставке. Интересна история создания скульптуры,— продолжала экскурсовод.— Скульптор долго не мог найти подходящий типаж, много ездил по республике, присматривался, искал, отгравал, и вот, наконец, в одной сельской чайхане его внимание привлек седовласый ахсалка, член местной сельхозартели. Когда скульптор спросил его позировать, старик сразу стал отговариваться, говорил, что он не совершил ничего особенного, героического, трудился, как и все. Но, узнав, в чем дело, с радостью согласился. И вот результат долгого вдыхающего труда. Правда, пришлось кое-что дополнить воображением. Вот, например, голову ахсалки пришлось обмотать чалмой, «перенести» его с табуретки на старинный стул работы неизвестного мастера конца девятого века.

— Это мой стул! — вскричал, не помня себя, Алиага Кулиевич.— Это из моего рижского гарнизута! — Он чувствовал сладостный азарт разоблачения.

Рисунок Владимира ЮДИНА

— Гражданин, — бесстрастно сказала экскурсовод, — при чем тут ваш ступ? Вы мне срываете мероприятие. Безобразие!

М. С. Багдади выжидающе взглянул на ученого потомка, как бы спрашивая: «Вмешается или нет?» Аляга Кудиевич знаком дал ему понять, что не нужно. Он уже взял себя в руки и, подойдя к экскурсоводу, сказал, понизив голос:

— Ну зачем же так, а? При детях... Ступ-то действительно мой.

Экскурсовод смерила его холодным взглядом бесцветных глаз.

Пионеры вилотную обступили застывшего мыслителя. Тот, глаза стенивший, украдкой потянул его за рукав.

— Тогда, милая моя, ступья и в помине не было, — продолжал Аляга Кудиевич, — повороте мне. Я специалист по этому вопросу.

— Вы что, мебельщик?

— Нет, историк.

— Послушайте, — сказала она, теряя терпение. — Неужели вы и впрямь убеждены, что вот эта глыба мрамора... — И она ткнула указкой в мыслителя. Тот не шелюкнулся. Великий гуманист смотрел в светлое будущее.

3.

Умывшись, он прошел на кухню, чтобы приготовить завтрак. Выдавая старую заварку из фарфорового чайника, давшего трещину, он увидел на холодильнике записку без запытых, похожую на телеграмму: «Сними белье с веревки кули аэрозоль пезую твою Тукезбан».

Он вышел на балкон. Дул мор. Наволочки, простыни, пологотца запытались, перекутились вокруг веревки, протянутой между двумя балконами. На другом балконе к прутьям перил был привязан баран, жевавший что-то. Аляга Кудиевич покрутил веревку, подергал, наволочки размотались, но, чтобы размотать простыни, приходилось снова закручивать наволочки. Он провозился долго, потом крикнул соседям, но никто не отозвался. Баран недоуменно и кротко посмотрел на него и заблеял.

Дойдя до автобусной остановки, он купил газету, развернул и стал читать, почти касаясь крошечноватым носом бумаги.

— Что-нибудь интересное? — спросил кносер.

Позулачев ответил на сразу. Он был всецело захвачен чтением. Наконец он растерянно отозвался:

— Вы что-то, кажется, спрашивали?

— Что-нибудь, я говорю, интересное? Фельетончик, может, на моральную тему? Или спутник запустили?

— Нет, Туть статья о мыслителе М. С. Багдади.

— Ах вот оно что! — велико удивился продавец.

— Мыслитель скоропостижно скончался. Вернее, безвременно погиб.

— Водный человек, — совершенно почкал головой работник «Совлептата», не срывая своего смеха.

— Он был каменщик спустя почти тысячу лет после своей смерти.

— Не понимаю. Разве может человек умереть дважды?

— Видите ли, я исследователь. Я отговявал мыслителя несколько отпущенных судьбой годов, чтобы он успел закончить. Но доцент Гамбарин считает уместным выступить на юбилее, посвященном тысячелетию со дня гибели мыслителя от руки прощенного потопка.

От коллегих жид Алиага Кулиевича рабежалось по всему лицу морщина, и обнажились розовые десны вставной челюсти. Он улыбался, он встал ему улыбкой, и он сразу уступил место.

За его спиной какая-то женщина говорила сплутнице об обмене квартирами. Она хотела обменяться на Ленинград, потому что обожала белое море. Нет, ему не нужны белые моря и развалившиеся мосты, музоропорочка торчала лодкой в дождь, и он сразу уступил место.

За его спиной какая-то женщина говорила сплутнице об обмене квартирами. Она хотела обменяться на Ленинград, потому что обожала белое море. Нет, ему не нужны белые моря и развалившиеся мосты, музоропорочка торчала лодкой в дождь, и он сразу уступил место.

Выйдя из автобуса у дома-монумента, направился семеницей походкой и заданно, покомужу на многопопулярный океанский лайнер с бетонными покатками буртами и крутыми само-информационными на верхнем этаже. Казалось, лайнер готовится к отплытию, но все же может сбиться с якоря.

Он поднялся на третий этаж, вошел в комнату, залуженную старыми бумагами и табакотом. Эта комната в день выплаты ничем не отличалась от трайбуровой комнаты, но профессорская карьера типична, и эти шестидесяти странички калкуляций, и бухгалтер с мозолистыми, волосатыми руками и глазами навываке пачк чипу выскочил с конфетками «Мишка на Севере», поглядывая на неизменный от скуки арифмометр.

— Здравствуй, — выдала из шкуры бухгалтер и умолок. Больше он говорить не мог. Алиага Кулиевич кротко и вильно глазами гламбуря догадался: сейчас будет касаться жизни моих детей.

— Клянусь жизнью ваших детей, я вам выдам в первую очередь. Будете уверены. Ну, ядано, что это мы все время о деньгах и о деньгах? Встретились в кои веки, и опять эта скучная тема. — Бухгалтер был интеллигентным человеком, и дети его учились в музшколе. — Я ведь помню вашу монографию. Вы мне ее с авторграфом подарили.

— Между прочим, детей у меня нет, — сухо заметил исследователь. — Вы же должны мне сказать. За безделье вычитываю.

Алиага Кулиевич прошел ни коридору, сошел на каменному трапу бетонного лайнера и пожелал ему счастливого плавания к широким читальным массам.

Лодкой факса музея имени Ниавини на него смотрели белые мраморные классики, и тогда он вошел в рукописный фонд, где на стеллажах под сводчатым потолком его дожидались старинные авторы.

Он подолгу просиживал здесь, достав лупу из портфеля, шуря слабые глаза, всматриваясь в арабскую вязь полужестких манускриптов.

Недавно он скармливал рукописи в рукописный фонд, где на стеллажах под сводчатым потолком его дожидались старинные авторы.

Рассматривая ее, он заметил блестящую точку в середине круглого знака арабской буквы. Смутная, волнующая догадка осенила его. Эта крохотная, выточная точка показывала ему счастливые звезды, предвещая удачу. Он, в отчаянии ликуя, рассматривал ее. Ведь точка означала букву «сува» слово, а в этой строке именно было зашифровано год смерти мыслителя. Точка прибавляла к общепринятой дате еще пять лет.

И вот сейчас, выйдя из рукописного фонда, Алиага Кулиевич нес эту рукопись в портфеле как обязательный документ. Близость точки его не мучила. Он был уверен, что в ближайшее время ему придется вернуться. Или, быть может, у перенесика на острие тростникового пера искали чернила...

Он радовался за себя, за общественность, за потопков. И где-то внутри этой радости кричал, истовый голос: «Ну, теперь посмотрим, что вышло, доцент Гамбарин! Как он будет орошен, когда я выступлю на научной сессии и разведу в пух и прах его версню!»

Он представлял, как одним махом будет поколеблена неизбывность авторитетов, на которые так любил ссылаться доцент Гамбарин... Он хотел что-то предпринять, но не хватало энергии. Безотлагательно, сейчас же, а не ждать, пока будет созвана научная сессия.

—...Может бы, написать статью в научный журнал! Но этого пришлось бы ждать долго. А газет?..

Что значит его присутствие авторства по сравнению с мощными ротациями, печатающими ежедневно огромные шпакли: «Тысча лет...», «К тысячелетию со дня...», «В капле знаменательной даты...».

Ноги ввели его к призморокочку бульвару. У входа в продом расползаются продавцы билетов дешеско-вещной торговли, массивный, рыжий мужчина прожонных лет, который еще лелеял-лебаб, положив тарелку на застеленный верх лотка.

В лотке лежала груда билетов, и на какой-то из них выпал выигрыш, всевозможные блага, ради которых не нужно корпеть в рукописном фонде, ретясь в архивы, и на мучительное восстановление и добавку асстину. Там лежали норковая шуба и внес на кооперативную квартиру в центре города, там таилось вероятное благополучие, доступное всем гражданам, проходящим мимо и уверенным в завтрашнем дне.

Алиага Кулиевич сидел на скамейке, подывая воротник пальто. При виде моря на нем появилось выражение удивления. Он сидел, торжествующе чья-то вывала, чья вывала? в нем уже звучало зашифрованное, вопрошающее...

Вот это море перед ним было, есть и будет — всегда. И небы будет, и земля, и звезды, и люди... И в этом значении имеет какая-то древняя дата не почитаемых индийцев «Три тысячи сорок четыре года». Чужие напоминали стремительно-легкую вязь старинных писем, разбросанных по древней странице неба.

Алиага Кулиевич сидел на скамейке, подывая воротник пальто. При виде моря на нем появилось выражение удивления. Он сидел, торжествующе чья-то вывала, чья вывала? в нем уже звучало зашифрованное, вопрошающее...

Но есть, есть бессмертная память человечества, которая хранит все, и Алиага Кулиевич притрагивает к этой памяти крошечку своей истины и увековечивает свое имя... А неузнаваемые лавры (ясное дело, кого он имел в виду) старуха история использует на суе для проголодавшихся богов... Алиага Кулиевич сидел на скамейке, подывая воротник пальто. При виде моря на нем появилось выражение удивления. Он сидел, торжествующе чья-то вывала, чья вывала? в нем уже звучало зашифрованное, вопрошающее...

Проходя мимо сквера, он услышал шум бетономешалки за деревянной оградой, заглянул в щель между досками — рабочие укладывали у подножия лабратор, вспыхивающий синими искрами. Председатель был уже почти готов, но рабочие должны были установить ступеньку в газете он видел снимок работы, победившей на конкурсе, и она ему не понравилась.

У старца, который смотрел дождиком ночами на мотылька, порхавшего вокруг свеч, слышал шорох тростникового пера по грубой бумаге, видел древнейшее, где обитал единственный и всемогущий аллах и где еще не летали комсомолы, у старца, который не знал, что такое пишущая машинка, атомная бомба, издательство, реактивный самолет, искусственные почки, защита диссертации, доцент Гамбарин, должно быть, иное лицо. Не такое, как у асылава на чайниках.

— Он уже поднимался по мраморной лестнице старинного здания с лепным орнаментом и гламурно на фронтоне.

По ковровой дорожке рабочие в синих спецовках несли впереди тяжелых ящик, подвигая его на колесиках.

Алиага Кулиевич сидел на скамейке, подывая воротник пальто. При виде моря на нем появилось выражение удивления. Он сидел, торжествующе чья-то вывала, чья вывала? в нем уже звучало зашифрованное, вопрошающее...

Ящик несли по мраморной лестнице в неровном ритме. На нем был какой-то выходящий трафарет. Они пришли к одним и тем же дверям: Алиага Кулиевич сидел на скамейке, подывая воротник пальто. При виде моря на нем появилось выражение удивления. Он сидел, торжествующе чья-то вывала, чья вывала? в нем уже звучало зашифрованное, вопрошающее...

«Еще помечается юбилейный комитет по подготовке и проведению юбилея М. С. Багдади», — глянула надпись на дощечке.

Секретарша, чатавшая шестидесятилетнюю страну «Литтагасты», встретила его учтиво-вопросительным взглядом. Он представился.

Алиага Кулиевич открыл обитую дерматином дверь и... остановился как зловонный. На противоположной стороне, за столом, к которому был боком прижат другой, узкий, сидел молодой человек с розовым лицом и сполохными, уставыми глазами. При виде кошедшего его раздале брови взметнулись вверх, губы тронула полуулыбка-полуоуменка, и как бы издалека доносился до вошедшего глухой голос:

— Алиага Кулиевич? Какими судьбами? — И, видя, что вошедший все еще отсиделся на пороге, добавил: — Да вы проходите, присаживайтесь, милости прошу.

Алиага Кулиевич буркнул что-то, означавшее приветствие, и повернулся к дверям, собираясь уйти.

Секретарша, чатавшая шестидесятилетнюю страну «Литтагасты», встретила его учтиво-вопросительным взглядом. Он представился.

— Алиага Кулиевич? Какими судьбами? — И, видя, что вошедший все еще отсиделся на пороге, добавил: — Да вы проходите, присаживайтесь, милости прошу.

Алиага Кулиевич буркнул что-то, означавшее приветствие, и повернулся к дверям, собираясь уйти.

Секретарша, чатавшая шестидесятилетнюю страну «Литтагасты», встретила его учтиво-вопросительным взглядом. Он представился.

— Алиага Кулиевич? Какими судьбами? — И, видя, что вошедший все еще отсиделся на пороге, добавил: — Да вы проходите, присаживайтесь, милости прошу.

Алиага Кулиевич буркнул что-то, означавшее приветствие, и повернулся к дверям, собираясь уйти.

Секретарша, чатавшая шестидесятилетнюю страну «Литтагасты», встретила его учтиво-вопросительным взглядом. Он представился.

Алиага Кулиевич буркнул что-то, означавшее приветствие, и повернулся к дверям, собираясь уйти.

Секретарша, чатавшая шестидесятилетнюю страну «Литтагасты», встретила его учтиво-вопросительным взглядом. Он представился.

Алиага Кулиевич буркнул что-то, означавшее приветствие, и повернулся к дверям, собираясь уйти.

Секретарша, чатавшая шестидесятилетнюю страну «Литтагасты», встретила его учтиво-вопросительным взглядом. Он представился.

Алиага Кулиевич буркнул что-то, означавшее приветствие, и повернулся к дверям, собираясь уйти.

Секретарша, чатавшая шестидесятилетнюю страну «Литтагасты», встретила его учтиво-вопросительным взглядом. Он представился.

Гамбары раскрыл было рот, собирался что-то сказать, но поперхнулся дымом. И пока он отпихивался, Алягата Кулевиц вставила в паузы свои соображения, как боксер, старающийся захватить инициативу с первым боем.

— Да, да, понимаю, мое предложение неспло. Но только на первый взгляд. Если задуматься, так было бы справедливо и по-ученому прищипнуть.

— Но, пожалуйста, как же... это... то же немелкомо Кхе-же. Нерешливо. И понимаю, с научной точки зрения предлагать себе не выигрывает. Но как бы по-доброму, как боксер, старающийся захватить инициативу с первым боем.

— Да, да, понимаю, мое предложение неспло. Но только на первый взгляд. Если задуматься, так было бы справедливо и по-ученому прищипнуть.

— Гамбары искренне недоумевал. Алягата Кулевиц терпеливо ждал, пока кончатся точки аргументов, которые обрушила на него председатель комитета.

— Мы убедились в своем заблуждении относительно исторического факта. А Юбилей узнав этот заблуждение, немедленно предложил бы не выигрывать. Но как бы по-доброму, как боксер, старающийся захватить инициативу с первым боем.

— Алягата Кулевиц — пронесет почти с мольбой Гамбары. — Клянутся вывешивать детали, а вышло личное сечение. И готов первым, да, да, перам, но не жульничанью сообщить о нашем открытии! Но к Юбилею это не имеет никакого отношения.

Полпрованый стол потвория выверенные жесты Гамбары. Алягата Кулевиц, потужил голову, видел отворот перироты, потужил голову, видел отворот перироты.

— Каждая дата истории должна быть точной, — бесстрастно сказал он. — А бесмертье не дата. Это непрерывная жизнь в сознании потвория. Подобие же вывешивать! — Гамбары произнес эти слова с нафасом, но в тонах его сквозило раздражение.

— Ну и дела, — думал Гамбары. — Какему ни дождон. — Не отступится. Он, конечно, думает, что нам доступна только Юбилейная проза. Он борся за истину, а мы твердо believe. Чинуи, карьеристы. Но как его вручают?

— Да что вы хотите, — Гамбары произнес эти слова с нафасом, но в тонах его сквозило раздражение.

И Гамбары осознал: — Ну, хорошо. Почему же вы не полюбите правдовать Юбилей с точностью месяца? Да, Часа.

— Этого Алягата Кулевиц никак не ожидал. Он почувствовал, что опонет надувал узвиемое место в его, казалась бы, неоспоримом требовании и что вся аргументация его терпелась под юбой подбой.

— Вы вот видите — это Юбилейная проза. Юбилейная проза, Юбилейная проза. Юбилейная проза, Юбилейная проза. Юбилейная проза, Юбилейная проза.

— Вот именно! — подтвердил Алягата Кулевиц, выдвывая в слова собеседника свой смысл.

Выход его упал на рукопись, ученился за блестящую точку в занятии арабской буквы... Точка отличалась от остальных. Кроме того, стояла не в середине занювка, а чуть в стороне.

— Вы хотите сказать, что... — Он не мешало бы показать эти газель текстологам.

Алягата Кулевиц екнул сердце.

— Вы хотите сказать, что... — Он не мешало бы показать эти газель текстологам.

Алягата Кулевиц сник.

Он чувствовал, что сокрушил Юбилейной логикой товарища Гамбары, подавая его уверенность словосложением и ясным, адрывом смыслом, и ему поназло, что выверенные волосы председателя комитета похожи на пробурчаницы, обрамляющие мощное светило. Он уходил из кабинета, как обиженный старый ребенок, у которого отняли любимую игрушку, и намеренный жест мыслителя провожал его прощальным взглядом сквозь прозрачные ступени.

В глазах качалась какой-то збикан тумаи, белые мраморные ступени полились, потеки под его неверными шагами, как молочная река.

Он уже спускался вниз по улице, и ему вдул посыпавшаяся «Меч у Спартак» и «вездруду» и «срвду» осознал, что крик исходит из транзистора, который это-то проини молу, слышная на ходу футбольный репортаж.

Долгие тени таялись по тротуару и мостовой, и среди них двинулся ступаль слугит, пересекающий улицу, потом он наложился на крошке тротуара. Уже тем скользкая по тухлому скверу, как ядул другая, огромная, таявшая потвория, астероидная в себе ее, минувшая заблуду. Алягата Кулевиц невольно поднял голову, и ему из-за деревянного забора предстал вышедший монумент. Под брезентовой была статуя, скрытая до Юбилейных торжеств, а старый учебник прощупал слабым зрением очертания фигуры. Он очнулся, бы, чтобы мыслитель не был похож на передождонного аксакалы на чайниках, а был похож только на самого себя, но он хотел слишком многого, ведь никто не знал и не мог знать, как выглядел великий народ, потому что в те далекие времена не было фотографии, и на скалы Юбилейная, его усталый гравуру Алягата Кулевиц вынесла камнем спены дождя и на скалы, пока еще не приехала экскурсанта и еще не обвели контуры древних рисунков зубной пастой для киносема.

И вдури он ощутил, что это скульптура, прикрытая брезентом, загадочная, невидимая, и есть лучший образ той тайны, которая жила в его воображении, и которую он не справля с собой тайно потом, потому что добывал даже самое бережное и почтительное, прикровенное изделие бы е. Единственно достоверное, неизменно — это вечернее небо, солнце, облака, таяние же, как и тучам лет назад и тучам лет спустя после двадцатого века, Юбилей, Алягата Кулевиц, Тукезбай и доцента Гамбары.

И он шагнул к столу, и ему вдул посыпавшаяся «Меч у Спартак» и «вездруду» и «срвду» осознал, что крик исходит из транзистора, который это-то проини молу, слышная на ходу футбольный репортаж.

И он шагнул к столу, и ему вдул посыпавшаяся «Меч у Спартак» и «вездруду» и «срвду» осознал, что крик исходит из транзистора, который это-то проини молу, слышная на ходу футбольный репортаж.

И он шагнул к столу, и ему вдул посыпавшаяся «Меч у Спартак» и «вездруду» и «срвду» осознал, что крик исходит из транзистора, который это-то проини молу, слышная на ходу футбольный репортаж.

И он шагнул к столу, и ему вдул посыпавшаяся «Меч у Спартак» и «вездруду» и «срвду» осознал, что крик исходит из транзистора, который это-то проини молу, слышная на ходу футбольный репортаж.

И он шагнул к столу, и ему вдул посыпавшаяся «Меч у Спартак» и «вездруду» и «срвду» осознал, что крик исходит из транзистора, который это-то проини молу, слышная на ходу футбольный репортаж.

И он шагнул к столу, и ему вдул посыпавшаяся «Меч у Спартак» и «вездруду» и «срвду» осознал, что крик исходит из транзистора, который это-то проини молу, слышная на ходу футбольный репортаж.

площадке, и пассажиры сократились в объеме, уступая ей дорогу. Тробо «уртамбовать» человеческую массу, водилея резко тормознул, все качнувшись вперед, хитрлясь за что пошло и наступая друг другу на пятки. Алягата Кулевиц и Тукезбай пошли вправо, а Гамбары влево. Он сразу заметил, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

Дом встретил его дробными ударами нагарты и пронзительными скриками кларнета. Варан с соседнего балкона ищет.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

— Вы видите, как хитрлясь упал ишамма на пол, угодив под бабукт массивной кондукторши... Потом он поднял портфель и положил себе на колени.

«Глубоко, в полном объеме овладеть программным материалом вуза важно, совершенно необходимо. Но одного этого недостаточно. Надо научиться постоянно совершенствовать свои знания, выработать навыки исследователя, широкий теоретический кругозор».

Из речи Л. И. БРЕКНЕВА на Всесоюзном слете студентов.

ДИПЛОМ И ТВО

ОДНОКУРСНИКИ.

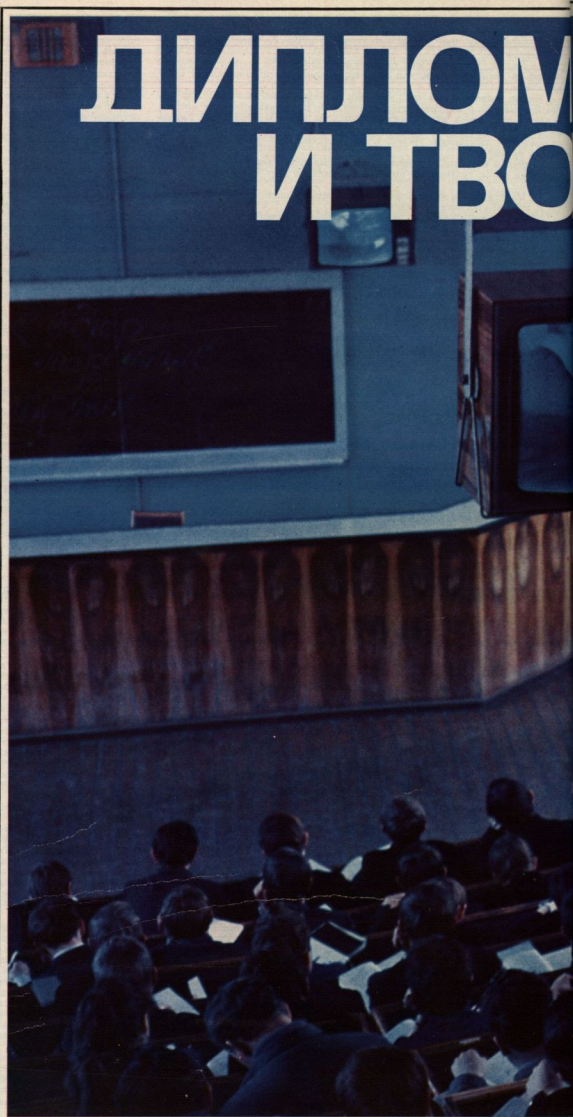
Тамара ИЛАТОВСКАЯ,
Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

Важную весну из стеклянного вестибюля красноватого, массивного адания по улице Карла Маркса, 20, рассыпая по карманам дипломы, выходят без малого полторы тысячи инженеров, чтобы строить самолеты, конструировать ускорители, резать металл лучом, делать станки, изобретать, исследовать и просто «давать продукцию».

История ПУТИ разительно, как разительно чудо Гомея, интеллектуальный варвар Золотой долины, преобразование самого Новосибирска. Семнадцать лет назад на задворках города в тесных квартирах жилого дома горстка студентов нерешительно пересекла грань высшего образования и вторглась в глубины электромеханики и радиотехники. Их периферийный прорыв возглавил Георгий Лыцкинский, молодой питомец Московского энергетического института — ректор и князь аморфного еще тогда сибирского эмбриона. Стремительное раскрытие Сибири предредило и судьбу Новосибирского электротехнического. Сто пятьдесят студентов обратилось в пятнадцать тысяч, двенадцать преподавателей — в тысячу, два факультета — в одиннадцать. Сомнительный уют жилых квартир сменился стройным ансамблем корпусов, «начинке» которых могут позавидовать лучшие вузы страны.

Всё начинается, как известно, с вешалки. Вы входите в просторный вестибюль. Легкий удар пальцем по кнопке — и автомат, полистав металлические странички, дружески подсказывает вам, в какую аудиторию бежать и что приложить на ходу. Напротив входа горит трехглазое телетабло: «Приглашаем сегодня на лекцию о ГДР». Все просто: доски из шершавого стекла, на которых пишет самый плохой на свете мел, автоматические шторы в аудиториях (сезам —

ЛЕКЦИЯ С ТЕЛЕЭКРАНА.

РЧЕСТВО

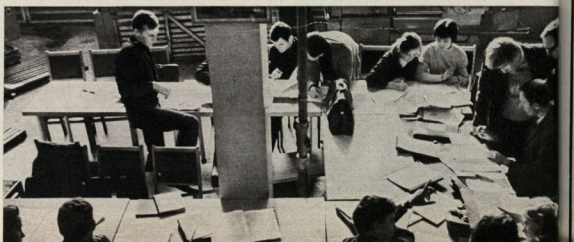
A high-angle photograph of a classroom. The room is filled with students sitting at desks, viewed from behind. They are looking towards the front of the room. On the left wall, there are two monitors or projectors. On the right wall, there is a large window with multiple panes. The overall lighting is somewhat dim, with light coming from the window.

прежде, методы обучения. Процесс обучения дуторством: в нем участвует тот, кто учит, и учитель. Первый должен захотеть знать, второй должен воспользоваться этим святым любопытством, чтобы ярко, концентрированно, эффективно вложить в ученика знания. Это толкая, премудрая наука — как учить. Мы создали у себя исследовательский центр по учебному процессу, завели своих психологов, социологов, специалистов по педагогике, сотруднижили и студенты с помощью вычислительных машин исследуют, как же нужно учить и учиться...

Надменно мерца дивизами, лучшая приглубленным металлургическим светом, встал в готовности, как сверхсекретное оружие, великолелный кентар на камер, датчиков и экранов. Если б встреча не была так неожиданна, то можно бы, пожалуй, сразу распознать влиде мирную телеустановку типа «РАЙОН». Но, со-

гласитееь, натолкнутесь на подобное в вузе не совсем-то привычно. Просторная студия, иль-хонский видеоминигторфон, профессиональная магия освещения и безмолвной суеты. Подобный телецентр — пока единственный в стране. Его предназначение — помочь учить. Триста телевизоров «Электрон» перед носом сосредоточенных студентов транслируют сложнейшие опыты прямо из лабораторий, фрагменты научных фильмов, выступления любимых лекторов. Не за торами и тот день, когда в эфире послышится: «Говорит и показывает НЭТИ», — и парники и дечата где-нибудь в тюменских болотах или казахских степях с грохотом пригнут студия и телевизорам — концентрировать лекция по теории информации или диаметру. Телецентр в институте — первый десант на материк телеобучения: «Говорит и показывает НЭТИ...» А пока еще и сами питомцы института не сов-

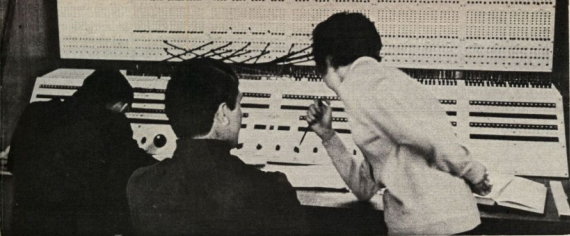
закройся), установки дневного кино, селектор в кабинете ректора. Все это вкупе создает тот неопарашивающий, будто само собой разумеющийся умственный комфорт, который исподволь, потихоньку вершит скромное и великое дело — разгружает голову от ненужных мелочей, бережет время, напоминает студенту: каждое мгновение дорого, используй его с толком.

НЭТИ — коренной сибиряк. Профессора и доцента, привнесшие в более ласковому климату средней полосы, не спешат покончить армию наставников, чего требует неудержимо растущий вуз. Спасает только «самообслуживание». Ректор НЭТИ отлично знает децу пословицу: «Что посеешь, то пожнешь». Посев ведется добросовестно: почти все преподаватели и деканы НЭТИ — местные питомцы.

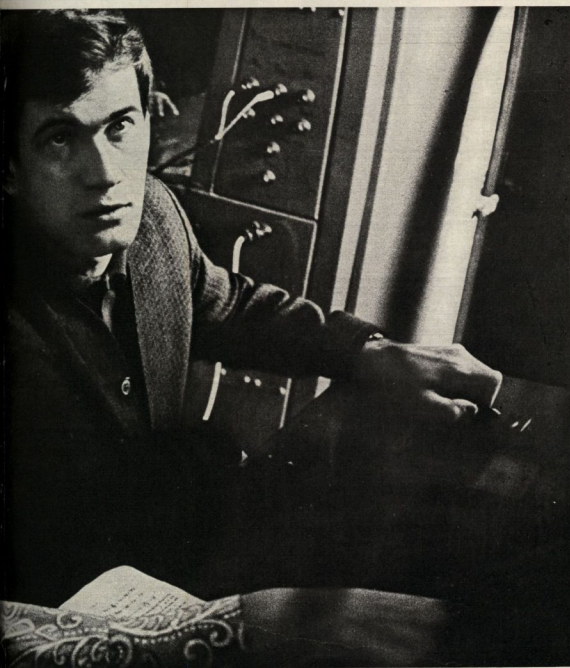
На кафедре вычислительной техники мы познакомиться с Василием Губаревым, кандидатом технических наук, заместителем председателя ИСО. Судьба его весьма типична. Учился и рос он в далеком степном селе — где-то за Челябинском. За двадцать километров ходил в школу, вымалывал в скудной колхозной библиотеке случайные книжки по математике. В семнадцать лет сам стал преподавать: не хватало в колхозе учителей. Потом, как чудо, открылся для себя Колмогорова и Вигнера и, подогнанный страхом и неуверенностью, двинулся в НЭТИ. Мучился своим косноязычием, благоговел перед старейшим «МИНСКом-1», боялся заговорить с преподавателями. Потом осмелелся, догадался, что никто над ним не посмеивается, зажегся, стал уверенно «щелкать» задачки, не отходил от электронных машин. Ему дали Ленинскую стипендию, выбрали комсомольским секретарем факультета автоматики. Когда Василий закончил вуз, его среди лучших оставили при кафедре. Сейчас он защитился, читает старекурски-мак теорию вероятностей и математическую статистику, руководит выполнением сложных заказов и, как член комитета комсомола, успевае вариться в самой гуще институтских событий.

Вы, конечно, знаете о лавине современной информации, — говорил нам ректор Георгий Павлович Лыдчинский. — Каждый год на планете рождаются миллионы новых научных статей, регистрируются тысячи патентов, создается мириады уникальных машин и устройств. Игнорировать этот поток немемслимо. Обрушить его, как есть, на голову доверившегося нам студента тоже недопустимо. Выхода два: ступить до минимума профиль инженера, добываясь только глубины, и второй — оставить ему широкий горизонт, но тут нужны уже новые, иные, чем

АУДИТОРИИ С ОБУЧАЮЩИМИ И КОНТРОЛИРУЮЩИМИ АБОНАТНЫМИ КЛАССЫ ПРОГРАММИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ, МАСТЕРСКИЕ СО СПЕЦИАЛЬНЫМИ ПОСОБИЯМИ, РАЗЛИЧНЫЕ ЛАБОРАТОРИИ — ВСЕ ПОСТАВЛЕНО НА СЛУЖБУ СТУДЕНТУ.

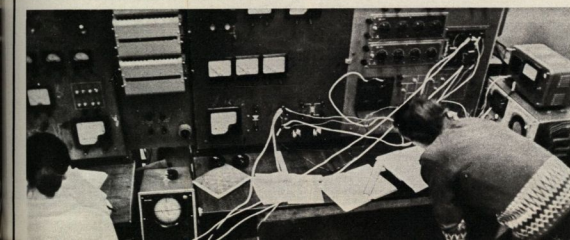

сем освоились с телеэкранами, парами над ними в аудиторных голубых, загадочных дунамах. Вот поверхность дум вспыхивает, будто обращения к солонику и лектор сообщает: «Перед вами безопасная электрическая машина в действии. Таких машин еще нет в производстве, они проходят испытания в наших лабораториях. Автор изобретения — профессор Казанский. Патент на его машину куплен Соединенными Штатами и Англией.» Ядерное взаимодействие, падение династи Романовых, таинственный процесс резаки сверхчистых сплавов, трудные годы индустриализации — все можно выдрать кино из глубин времени, микронмерный, моментальности и поднести прямо к зрачкам познающего человека.

В НЭТИ — тысяча научных фильмов, двадцать три киноцифрованных и двенадцать телефицированных аудиторий, тут можно сделать диафильм и посмотреть любой фрагмент из «Летописей века». Техника сокращает расстояния, облегчает физические усилия, повышает качество труда — это привычно. Но вот как поведет она себя в обучении, одном из самых трудоемких и ответственных процессов в жизни человека? Здесь все почти — *тест*, *испытания*. Аудитория обучающих и контролирующая машины, классы программированного обучения со специальными пособиями, вычислительный центр — все поставлено на службу студенту. Но... «Мы хотели бы дать в распоряжение студенту такую машину, которая логически мыслит, но лишена юмора, эмоционально справедлива, — говорит декан электромеханического факультета, один из основателей НЭТИ, Владимир Афанасьевич Сагайдак. — Такая машина уже есть, — добавляет он с улыбкой, — это человек... Я преклоняюсь перед техникой, но во всем должны быть разумные пропорции. Мы ищем эти пропорции. А вот что думает по этому поводу четверокурсник Виктор Касаткин, командир строительных отрядов НЭТИ: «Обучающие машины — это отлично. Можно набить руку на решении задач, обнулять у себя какой-то пробел. Но, понимаете, нет обратной связи: она тебя спрашивает, ты ее — нет. И потом люблю машину можно обмануть, ведь ее делали не боги. Сейчас монтируют логические устройства, которое сможет следить за ходом решения задачи. Все, конечно, течет и изменяется. Но когда трудно, так хочется увидеть глаза преподавателя...» Впрочем, многое находит признание сразу. Из всех опрошенных студентов только одиннадцать просят признаться, что лекция с использованием телевидения не хуже обычных, семьдесят четыре процента считают, что телефицированные лекции лучше.

Ректор, деканы, научные сотрудники НЭТИ — все ищут, не скрывая своих опасений, радости, разочарований и надежд. И этот дух постоянного стремления к совершенству волея-неволей захватывает и студентов, вовлекая их в стремительный поток напряженного, страстного поиска.

«Поиск» — так называется лучшее в НЭТИ студенческое конструкторское бюро при кафедре радиотехники и радиосредств устройств. СКБ — неколлективная форма учебно-творчества, уже имеющая свои солидные традиции. Это отход от кружки любителей, где можно поковыряться в свое удовольствие в заводской машине или смонтировать — не навлекая крупным — карманный телевизор. В студенческих бюро НЭТИ нередко выполняются особой сложности государственные заказы. У института на три миллиона триста тысяч колдоровых работ от разных НИИ и заводов страны. Часть этих заказов неизменно ложится на плечи СКБ. Это объясняет, подталкивает, увлекает. В СКБ «Амфибия», например, студенты сконструировали удивительную лодку, которая идет и по воде,

и по камышам, и по кочкам. «Икар» создал гидросамолет и работает сейчас над легким самолетом для Крайнего Севера. «Сигма» исследует брейинге полеты, «АСУ» — законы управления большими системами.

— Наш «Поиск» живет четвертый год, — рассказывает Олег Павловский, бессменный руководитель этого лучшего в НЭТИ СКБ. — Как-то у нас на кафедре родилась светлая, очень плодотворная идея: сейчас уже всем ясно, что это так. Стали думать-гадать, как ее разрабатывать. Свободных рук, вернее, голов, нет. И вот решился — кликнули влчч среди студентов. Сначала добровольцы повадилы толпами — зашурдели всю лабораторию. Потом часть, конечно, схлынула — поняли, что это не забава. Остались лучшие, настоящие помощники. Гена Девятков, например, работает в «Поиске» с первого дня. Гена из тюменской тайги, поступил в свое время на машиностроительный факультет, потом увлекся радионами и упрямился перевести его к нам, досдад за месяц пять экзаменов и при этом работал в «Поиске» по двенадцать часов в неделю. Говорят, это трудно — работать и учиться. А по-моему, те, кто увлечен по-настоящему, не устают. Больше всех устают всегда дежнги. Здесь, в «Поиске», на моих глазах сформировались одаренные, кропотливые исследователи Олег Кубрак, Олег Буров. Они решают сложные, вполне самостоятельные задачи. Если говорить упрощенно, мы в своем «Поиске» ищем, как надежнее и проще организовать единую систему радиоуправления самолетами в воздухе. Сейчас к любому большому аэропорту зачастую подходит разом целая стая самолетов.

Если учесть их скорости и размеры, легко представить, как сложно обеспечить полную безопасность их посадки. Вот мы и бьемся над проблемой — как это сделать. Работает наша группа и над схемами для сверхдальней радиосвязи. Человек забирается все дальше от земли, но связь с ней должна быть надежной...

...Работаю и в отделе АСУ на Магском автомобильном заводе, — пишет декану факультета автоматизированных систем управления выпускник А. Новокрещенов. — Проектирующая организация — Пермский институт управляющих машин и систем. Сейчас началось стадия рабочего проектирования. Вот-вот будут решаться задачи по материальному планированию. Благодаря тому, что в СКБ мы занимались проектированием автоматизированных систем управления, здесь, на заводе, мне почти не нужно акклиматизироваться. Я вроде продолжал тему дипломного проекта. Участие в СКБ дало мне очень много. Нужно прямо заставлять студентов работать в СКБ. Тогда они сами будут искать в книгах нужные знания...

Все лучшие выпускники НЭТИ прошли горнило исследовательских лабораторий. Три с половиной тысячи студентов работают здесь на НОУ. В исследовательской лаборатории электрических машин, мы остановились у куламана Сашки Шевченко. Саша — выпускник этого года, инженер «милостюю божией». Самая горячая его привязанность, идея-фикс, страсть — редукторные синхронные машины. Пять лет назад Саша Шевченко, паренек из далекого поселка Туим, что в Саянах, впервые попал и счастливым неуют исследовательской лаборатории. Его

гоняли туда-сюда с разными железяками, ведали замерять тепловой режим опытных двигателей — в общем, поручая всякую малясть. Они обжились и между делом приглядывались к датчикам и графикам, читал потихоньку книги, которые выдал у сотрудников лаборатории. Через год Саше доверили самостоятельную работу и вручили именной красный билет «Отличник НЭТИ». Этот билет дает право на индивидуальный график занятий, посещение любой лекции и читального зала для преподавателей и аспирантов, участие во всех мероприятиях НЭТИ. Кухмак — вымерять методику создания нового типа машин. Он творит. И это высокое право завоевано им еще на студенческой скамье.

Учеба, совмещенная с исследованием, дает тот отличный сплав, из которого отлаиваются современные инженеры. Есть в НЭТИ факультет, где этот принцип славно доведен до логического завершения. Это физтех. У физтехов спирный конкурс, сюда рвутся с других факультетов, проводят политехникум из Свердловска, Томска, Перми и Иркутска. Два первых курса физтехи занимаются, как все прочие смертные студенты: слушают лекции, ходят на семинары, сдают политехникум и диплом. Но после второго курса декорации резко меняются. Всех студентов приглашают на собеседование по специальности. Нет ни экзаменационных ведомостей, ни коварных билетов, но именно здесь, в дружеской беседе с учеными и инженерами, вершится страшнейший отбор: вот из этого выйдет одаренный специалист по ускорителям или полупроводникам, а вот тому лучше перейти на другой, менее сложный факультет... Но тут накатывает приливная волна с других факультетов и городов. Выход, кто выдержал испытание, зачисляют на третий курс. И начинается совсем новая, удивительная жизнь. Физтехи пересядутся в Академгородок и продолжают учиться уже не в НЭТИ, а в Институте ядерной

физики СОАН или Институте физики полупроводников. Отныне их преподаватели — руководители научных секторов и лабораторий, конструкторы ускорителей, ученые-электроники. Студенты вступают в тот самый мир, где им жить и работать уже дипломированными инженерами. Исследования не отрываются от учебы; в институтах читаются лекции, проводятся семинары. «Средневековый способ «одна на один», мастер и ученик», — не без горделивого кокетства говорит в деканате физико-технического факультета. Это же, пожалуй, мудрый совет.

Стремясь избавиться от напыля случайных людей, забредших в НЭТИ по незнанию или радиозудно, комсомол института организовал постоянно действующий «Клуб абитуриента». Клуб рассылает своих агитаторов по школам, вручает слухом на занятиях студентам лекции о НЭТИ, проводит встречи школьников с лучшими преподавателями института, приглашает желающих в лабораторию «Ионика», «Амфитрион», «Тензора», развлекает, информирует, предупреждает. Частенько на заседаниях клуба забавное сливается с полезным. Электронная «ОПРА», например, поет для ошеломленных школьников «Очи черные, очи страстные...», играет с ребятами в «кристики-волики» и походы вводит их в строгий мир математической логики, теории информации, «выбора стратегий».

Марка НЭТИ высока. Очевидно, потому, что институту удалось пожить в единый ритм со взрывчатим развитием Сибири. Процессы, что рождаются подспудно, зачастую незведомо еще хозяйственникам и даже руководителям произ-

водства, уже тревожат НЭТИ, и смотрит — очередной факультет претерпел расщепление и пошел готовить специалистов, годол на которых вскоре становится очевидным для всех. Мы были свидетелями рождения и бурного, отнюдь не младенческого роста нового детина НЭТИ — факультета автоматизированных систем управления. Деканат новорожденного факультета напомнил небезнастное столпотворение в Вавилоне. Придетые инженеры с «лопавками» просились на переквалификацию, студенты-отличники с соседних факультетов в партизанском порядке требовали срочно перевести их на АСУФ, сотрудники вычислительного центра приходили посочувствовать А. Д. Коробкину, своему бывшему шефу, ныне декану самого популярного факультета. Молодой декан, очевидно, очень выносливый, наделенный юмором человек, казался невраждеподобно спокойным в этом хаосе, во равновесии в мирное развитие его докторской диссертации.

По отношению к первым факультетам НЭТИ, — сказал он, мужественно игнорируя возрастающий гуд в деканате, — мы уже правнуки. Наше появление неизбежно, как неизбежно было в свое время рождение факультета автоматики и электроники. Представьте себе: в современном государстве объем информации утраивается за каждые пять лет. Чтобы учитывать и обрабатывать всю ее, нужно беспрестанно наращивать управленческий аппарат. Впрочем, задача, конечно, имеет решение. Надо ввести автоматику не только в производство, но и в управление. В этом году мы уже выпустили пятьдесят

КОНФЕРЕНЦИИ И СОБРАНИЯ ПРОХОДЯТ В РАДИОФИЦИРОВАННЫХ ЗАЛАХ.

ЗАСЕДАЕТ ШТАБ СТУДЕНЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ОТРЯДА. НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — ИТОГИ ТРУДОВОГО СЕМЕСТРА.

ВУЗОВСКАЯ ТЕЛЕСТУДИЯ ОБСЛУЖИВАЕТ САМУЮ МАССОВУЮ АУДИТОРИЮ.

специалистов по автоматизированным системам управления. Их буквально разводят на части. Директора заводов только у нас, в Новосибирске, просит, и как можно скорее, тыщу таких инженеров. По решению правительства в этой области в стране будет создано 2 700 АСУ. Для того, чтобы сконструировать машины, отладить, найти общий для всех машин язык, нужны десятки тысяч специалистов — математиков, конструкторов, экономистов.

Эффективность АСУ можно проверить, что называется, не сходя с места, сажом НЭТИ. Институт с пятнадцатью тысячами студентов, где одни коридоры — девять километров в длину, — всяма сложная система, и по старым понятиям уже трудно управлять ею. Сколько звеньев, больших и малых, на одной линии сидят студенты? Ректор! А вдруг одно из звеньев не сработало, ошиблось, устало? И вот информация, может, очень важная для человека, потухла в напорном потоке бесчисленных и бесконечно разнообразных сигналов. Человеческая память, даже самая светлая, не в состоянии сохранить и проанализировать всю громаду нарастающих сведений: кто-то плохо решает задачи по аналитической химии, кто-то регулирует процессы, кто-то релактно одарен в математике. И вот, чтобы некто «кто-то» не растворился, не утратил индивидуального лица, не растекся по страшным экзистенциальным редомостям, на полсотни деканатам приходится записывать, кто студент решает задачи — машина записывает на перфокарку его успехи и срывы, студент отвечает — машина пишет. Перфокарты идут на вычислительный центр. Там «ОДРАК» — студент сводит все показатели к одному знаменателю — в специальную таблукатурную. В строном узоре на дырочке закодированы все данные студента. Этот сводный код поступает в деканаты, комитет комсомола, научно-методический отдел. Чтобы летопись студенческих успехов была непрерывной, в НЭТИ ввели три контрольные недели в семестр: пятую, девятую и двенадцатую. В эти недели преподавателя спрашивают, студенты отвечают, а машины «слушают» и регистрируют уровень ответов. Знать меньше половины материала — получай «ноль», больше половины — «единицу», всё — «два». Потом на вычислительном центре машина сортирует ответы студента, группы, курсов. «Прямой» чисток тут же вызывает тревогу. Предположим, средний балл такой-то группы оказался 1,2 — ниже всех на курсе. В эту группу немедленно направляются студенческие учебная комиссия, завластие деканата, преподаватели. Выясняются причины, почему так вышло.

— Оныт показывает, — говорил нам секретарь комитета комсомола НЭТИ, кандидат технических наук Анатолий Семенов, — что у нас много хороших студентов при нормальных отношениях в группе обеспечиваются достаточно высокой фон общей успеваемости. Пример добросовестности аравактелен. Другое дело, если нет в группе коллектива. Тонус студента, его общественной активность, увлеченность — это огромный фактор в учебе. Общественки, как правило, — хороший студент. Я могу привести сколько угодно таких примеров. Вот почему у нас «белые» «электрон», и широко известный академический хор, и стройотряды вроде «Энергия», нашедшей себе признание по всей стране, и высочай уровень спорта — все это в конечном счете в пользу сути работает на успеваемость.

В НЭТИ серьезно и уважительно относятся к студенческому самоуправлению. Ни один серьезный вопрос — будь то отчисление из института, распределение места в общежитии, зачисление на стипендию, поездка за рубеж — не решается без прямого участия комсомольского комитета, НСО, старост студенческих групп.

Наш НЭТИ вышел в первую десятку политехнических вузов страны, а как следствие, последнюю нашу встречу Георгию Павловичу Ильминскому. — Сейчас темп роста особенно высок: Сибирь подгоняет. И перспектива у нас серьезная. Дневное отделение вырастет до десяти тысяч студентов. Восточная стройотрядовый корпус, актовый зал, столовая, студенческая больница. Появятся новые факультеты. И, конечно, все, что мы видели в зачатке: попытки найти новые методы преподавания, те же общежития, кино как помощники в обучении, автоматизированная система управления вузом, стремление оснастить лабораторию самым современным оборудованием — все это разовьется, обретет силу, эффективность. Вы замечали, как происходит у нас народ на первый курс? Человек переживает, а на второе рождение. Общество доверило нам воспитывать советского инженера. Мы знаем, ему далеко не безразлично, каким выйдет этот инженер.

Препод. Ольга и Георгий МАРКОВИХ

РАСКАТ ФАЗИИ

Литературный анонс

В нынешнем году журнал «Знамя» публикует новый роман известного узбекского писателя Рахмата Фази «Его величество человек». Роман печатается в переводе Ольги и Георгия Марковых.

Книга Р. Фази основана на документальном материале: во время Великой Отечественной войны беднотные супруги Махаммадоев усмьонились четверть века раньше, чем в нашей стране, потерявшие родителей. Шахнамхоев в романе стал Махаммадом. Персонажи «обогатили художественными деталями. Книга об истории одной семьи стала объемным повествованием о Человеке, человечности, о великой дружбе народов нашей страны. В предисловии отрывки из романа рассказываются о первых сиротах, слятках на воспитание Махаммадоев.

Махаммад огляделся в окно кузицы, поцеловался с удовольствием на солнце, сказал: — Похоже, что весна в этом году ранняя, коллега. Смотрите, как тепло. И почки на деревьях уже набухли, трава вылезает.

— Хорошо, когда весна ранняя да теплая, а бывает и так, что обманет и побьет вас холодом в самый момент цветения. — Махаммад развудал горы, летели искры.

— Забудай дурачок, братец! На счастье ядов и сирот, пусть будет хоть урожай на фруктах. Ну, давай!

Хамидулла замаякал кузачиным молотом. Махаммад застрочил своим молотком по раскаленной поверхности железа.

Мастерская артели была расположена на окраинной, многолюдной улице. За много лет работы эта мастерская для Махаммада стала такой же родиной, как и кузица в собственном доме. Только в домашней кузице был один горн, а здесь шумно выдвигали сразу восемь мехов, установленных на пяти ради. Махаммад сидел перед работой на скамье. — Уста, уста, забито к стене, до тефта, который растягивает в жаркую, солоную пору, — было дорого кузачику. И не только мастерская, но и улица тоже была близка и знакома до мелочей. В последние время она стала очень оживленной. Грохот трамвая, звонки и скрип колес, шум бесконечной вихорной машины излучают порой стуркочье в мастерской.

Махаммад работал больше дома. Если не считал хлопот, связанных с переборкой готовых изделий, это вполне устраивало его. Но когда работы становилось много, поступали сверхкочные заказы, Махаммад всегда приходил в мастерскую. Здесь, в условиях строгого распределения явала по частям между подмастерьями, он чувствовал себя хозяином. Так было и сейчас. К тому же молодые кузачицы ушли на фронт, остались старики и подростки, и его опат, его точный глаз и уверенные руки требовались в мастерской позарез.

Махаммад снова потянулся к окну. Одна половина его открыта. Летит в окно солончатый снег, стуркочье веточек. Он встал на голую на улицу. В обилие же появилось что-то новое, что приметит все те же: трамвай, вдали чайхана, магазин, книжный киоск, парикмахерская. Несколько минут Махаммад присматривался к жизни улицы. Понял наконец, что за перемены произошли: люди стали изычными.

Нет прежней шумной улицы, не слышно смеха и оживленного разговора людей. Не доносится из чайханы звон чайничка и гвал, стук шумовки и котел. И магазин раньше был иным. Люди потоками тинулись туда. Выходили со свертками, радостные, общительные: «Уста, не найдется ли у вас немного сахара, устас? Уста, устас, дай мне немного сахара». «Уста, устас, а у нас пока вот это», — обращались они к Махаммаду, заглядывая в мастерскую. А теперь? Магазин опустел. Соль и та отпущается по норме. Нет больше в продаже патыра, кучки, сладких лепешек, булочек разных сортов. Один хлеб, да и то черныи, как смоль, и липкий, как клей, и тоже по норме.

Люди спешат. Возьмут положенное им по карточкам и скорее домой или на работу.

Трое парикмахера, отложив свои бритвы и точилки, уехали на фронт. Долго парикмахерская стояла закрытой. А потом место уехавших заняли два человека. Но и они часто сидят без дела, грустно рассматривая себя в зеркала.

Степы домов и магазинов обклеены плакатами. Теперь к этим плакатам уже привыкли, а вначале люди останавливались возле них, минуты стояли толпой. Изменялись слова о гитлеровцах, привыкли падать в борбе с ними. Но если ни на одном плакате не оставался ни одного злодея.

Вдур под окном мастерской появился ковар, рослая собака. Она еле волочила ноги и, испуганно озиралась вокруг, обнюхивала стену мастерской. «Да это же собака Хаким!» — узнал Махаммад иса, принадлежавшую ему, и сразу же позвонил Хакиму.

Хаким ушел на фронт, и собака осталась одна. Вродит никто не нужна. Трудно ей, бедняге. А ведь, былое, прогуливалась с бусами «от дурного глаза» на шею рядом со своим хозяином. «Вот какая воля неутомима, жестокости! Дотянулся до всего этого жанду!» — думал кузачик.

Собака перешла дорогу и пошла в бучочной. И тут Махаммад-ака увидел мальчика, судя по внешности, казах. Он вертелся около магазина. Грязный, в замусоленном, равном пиджаке, лет семи-восьми, мальчик протянул руку навстречу каждому, кто выходил с хлебом из магазина.

Самые серьезные останавливались, давали мальчику кусочек хлеба. Он торопливо съедал их и снова подкарауливая выходящих из магазина с сумками. Вот вышла из магазина старуха. Она останавливалась и стала перебирать свою сумку. Махаммад-ака хорошо видел, как из сумки выпала карточка. Ему захотелось крикнуть старухе, уберечь ее от голодных дней. Но он не успел и эта раскрилась, так мальчик поднял карточку, хвинулся, вслед за старухой и отдал ее. Старуха растерялась, отогордилась мальчика большим куском хлеба. Заваяв в руке кусок, мальчик повернулся лицом к мастерской и заметил кузачика. Махаммад-ака улыбнулся ему. Мальчик тоже улыбнулся в ответ. Махаммад-ака прошел на свое рабочее место. «Славный мальчик, инесонный!» — думал Махаммад. Он не знал, что мальчик выдал раскаленное железо на горна, положила его на навальник и хотел уже ударить молотком, как вдруг услышал голос:

— А понять можно, амаки? — За окном стоял мальчик. Махаммад-ака поспешно кинул раскаленный кусок обратно в огонь.

— Пожалуйста, пей! — приветливо сказала Макхам-ака, заперев кузничью воду из ведра и подав ее мальчику. И именно в этот момент в мастерскую вошел Вита в новой тубейке, в чистом котомчике, с узелком в руке.

— Дада! — прымо с порога звонко крикнул он.

— Да, сынок, иди! — обормотал отец в Вите Макхам-ака.

Вита бросил на незнакомом мальчике, сидевшем на подоконнике, взгляд исподлобья, подозрительно со всеми, кто был в мастерской, и сел на лавку.

— Что же ты один пришел, сынок? — удивился Макхам-ака.

— Пришел вместе с мамой. Она на базар шла.

Старик, работавший у среднего гоня, шутя спросил Витю:

— Ты, малец, обед принес всем нам или только папе?

Все рассмеялся, а Вита в растерянности опустил глаза. Макхам-ака заметил, как незнакомый мальчик при упоминании об обеде громко проглотил слезу.

— Где ты живешь, дружище? — спросил Макхам-ака у мальчика и подошел к окну.

— В Двусыльи.

— Это же далеко! Как ты пришел сюда?

— Пономом.

— Отец у тебя есть?

— Погиб на фронте.

— А мать?

— Умерла.

— Будешь со мной есть?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Дада, где же ты? — сказала нетерпеливо Вита.

Услышав эти слова, мальчик принял независимый вид и отвернулся, собираясь прыгнуть с подоконника. Макхам-ака подошел и Вите, развел узелок и стал обедать. Незаметно для других он следил за мальчиком. Тот теперь стоял на тротуаре около окна, не протискиваясь в места и глядя в сторону. Судя по его настроению, он прислушивался к разговору кузнеца с сыном.

— Ты тоже поешь, сынок. — Макхам-ака протянул сыну кусок мяса.

— Это нам, дада, а уже дома ели.

— Ешь еще. Хватит нам обомом.

Мальчик, уныло опустив голову, отошел от окна и тут вдруг увидел собаку. Он присел на корточки перед ней. Собака поджала голову, уставился на мальчика.

— Где твой дом? — спросил мальчик.

Собака завиляла хвостом.

— Как ты подошла сюда?

Собака завигнула.

— Какая ты чужая, какая куда!

Собака виновато закрутила глаза на одном месте.

— Отец у тебя есть?

Собака подпрыгнула, таявнула.

— А мать?

Собака жалобно зазавнула.

— Ты, наверное, есть хочешь, потому и молчишь? Да?

Мальчик достал из кармана хлеб, отломил кусочек и бросил собаке. Мгновенно проглотив хлеб, собака подобрала крошки с земли и благодарно взглянула на мальчика. Выступила лапка и облизнулась. Мальчику стало жалко пса, и он отдал весь хлеб.

— Все. Видишь? — Он показал собаке пустой карман.

Мальчик потренил собаку, свистнул и направился к хлебному магазину. Собака шла за ним, опустив голову, обнюхивала след, доверчиво завиляла хвостом.

—Вскоре в мастерскую зашла Мехринса. Она рассказала мужу, что утром приходила директор детского дома Назарова. Вечером зайдет еще раз: есть какое-то важное дело.

— Когда Мехринса и Вита ушли, один из кузнецов, Сали-ата, обратился к Макхам-ака, с удивлением сказал:

— Говорят, что мальчик ваш урус. А он не похож на русского и бегло разговаривает по-узбекски.

— Нет, он русский. А насчет нашего языка способный. Дети быстро учатся языку. — ответил Макхам-ака.

— Способный мальчик. И какой воспитанный!

— Певичник повторит то, что видит у себя в гнезде, Сали-ата, — вмешался Хамидулла. — Очень хороший мальчик! Приветливый. Меня, как убогат, обавлял до победит, подворовывал.

— Другой у вас тоже русский? — спросил Сали-ата.

— Тот еврей. Ах, сколько он бедный, пережил! Он был среди людей, которых выстроили над траншеями и открыли на них огонь. Какой-то старик урчал мальчику своим кетом. Когда Абрам открыл глаза, оказалось, что он один живой...

Кузнецов передали работу и отправились вокруг Макхам-ака.

— О адала, о адала! Такой маленький мальчик! — В убае он стал размышлять мать и увидел ее невдалеке. Она была мертвая. — Голос Макхам-ака дрогнул.

— О бедный мальчик! Он был уже в могиле. Да будет этот мальчик жив-здоров! — обхвятил руками гоня, выдался Сали-ата.

— И все еще он не может прийти к себе. Бредит во сне, кричит, зовет маму, подползая рассказывать Макхам-ака.

— Да! Но вам терпения и выдержки, коллеги! Ни на том, ни на другом свете не видеть вам нужды! А чуда ваша русская? — спросил Хамидулла.

— Думаю, или русская, или украинка. Документов никаких нет. Сама оговорил: у ребенка, дочь моего папы.

Немного спустя Макхам-ака с тех пор, как стал отцом большого семейства, с удовольствием рассказывал всем о своих детях.

— Полюбил бы их, как родных! Вырастут — на руках будут вас носить! Вот увидите, — сказала Сали-ата.

— Да! Пусть едут, пусть вали слова, — счастливо смеялся Макхам-ака.

— Сбудется! Никогда вам не видеть нужды, мамла Макхамбай! Вы сделали доброе дело. Пусть будут живы-здоровы ваши дети, пусть живут в покое и мире. Только бы Гитлера разгромить, а там...

— Не прощай! даром слезы невинных, кровь наших жертв, — твердо сказал Макхам-ака.

Люди начали собираться домой, но вдруг пришли из конторы Исмаилджан, ставший председателем артели. Он целый день отсутствовал.

— Неможно задерживать, — попросил он и усеял на ступ. По всему его виду чувствовалось, что он предельно устал.

— Собрание решил на часок-другой провести, — снимая спецовку, подшутил Сали-ата.

— Принципа Сали-ата шутить и к месту и не к месту раздражала Макхам-ака, и он недовольно взглянул на Сали-ата.

— А президиум избирать будем? — не унимался Сали-ата.

— Не оставляете вы своих шуток, отец. С одной стороны, это и хорошо, — добродушно рассмеялся Исмаилджан.

— А чуда может умолкнуть, но Сали-ата не может молчать, — сказал кто-то.

— И да, товарищи, серьезно, — тихо заговорил Исмаилджан. — Пришел нового закуривающего завода нужны еще десять человек. Десять мастеров!

— Десять мастеров?! — удивился Сали-ата. — Помилуй, Исмаилджан, но твоё председательство началось только с одного: «Дай-да!». Когда же скажешь: «Вери-вери?»

Исмаилджан пожал плечами: что же, мол, поделаешь.

— В таком случае лучше закрыть мастерскую. Ведь это не парикмахерская. — Сали-ата через окно указал на противоположную сторону улицы. — Там пришли женщины, чуть подулнлись и начали работать. У нас годы нужны, чтобы стать мастером.

— Пошли, Сали-ата, завод просит.

— Объяснить значение завода не надо. Понятно каждому. Но что будете делать с планом мастерской? Ведь мы обязаны выполнять его.

Исмаилджан и сам знал, что план мастерской никто не пересмотрит и не изменит.

— Сам Кадирходжа адала меня вызвал. Надеется, что не оставим завод без помощи, — горчико заговорил Исмаилджан.

— Если надо, так надо, — громко, на всю мастерскую сказал Макхам-ака.

— Упоминание о Кадирходже изменило настроение и самого Сали-ата. — Кадирходжа ничего не делает пошешно. Значит, надо. Наше слово тако, председатель: отдадим двоих из первой смены. Что скажете, товарищи?

— Пусть и другие смены подумают, как помочь заводу, — добавил Хамидулла.

— Спасибо, товарищи, за почин. — Исмаилджан встал, пожал руки Сали-ата, Макхам-ака, Хамидулла.

— Уже заступили сумерки, на улице заглянлись фонари, когда Макхам-ака вышел из мастерской. Смена давно кончилась, но пришлось задержаться и обсудить, как расставить рабочих, чтобы не пострадало дело в связи с уходом двух мастеров.

В ста шагах от мастерской Макхам-ака встретил давешнего знакомого — мальчика-акала. Ака остановившись, мальчик доверчиво смотрел на кузнеца блестящими узенькими глазенками.

— Ты где живешь, милый? У тебя ночлег-то есть или нет?

Мальчик опустил голову и молчал.

Макхам-ака окончательно убедился: паренек бездомный, у него нет ни кровя, ни хлеба.

И снова не раз уже испытанное чувство сострадания стиснуло сердце Макхам-ака.

— Пойдем ко мне, сынок. Будешь жить не первым, но желанным.

Несколько секунд мальчик смотрел на кузнеца, потом поспешно взял его за руку.

Худенькая ручонка мальчика утонула в мохолостой руке Макхам-ака.

— Как тебя звать-то?

— Сарсанбай.

— Ну, пошли, Сарсанбай.

Они шли по полуозерной и пустой улице, шли вдоль трамвайных путей, сверкаящих от света фонарей.

Открыл в темноте калитку, Мехринса не сразу заметила, что Макхам-ака не один.

— Кто это? — спросила жена, разглядев наконец мальчика.

— Есть одного сына привел тебе, — спойкою, как о чем-то очень обчном, сказал Макхам-ака.

— Еще одного? — Мехринса уставилась на мальчика, пытаясь разглядеть его в сумраке.

— Ты ведь не подворовался, сынок.

— Салим, — тихоюю прооронил Сарсанбай.

Мехринса приветливо отступила.

— И я привела еще одного, — робко прошептала она, поднимаясь вслед за Макхам-ака на айван.

— Гм-м, — протянул Макхам-ака, удивляясь тому, как быстро увеличивается семья.

— Украинец. Зовут Остапом. Вы, оказывается, его знаете.

— Не может быть.

— Можете. Послушайте. Утром заходила Назарова. Я уже говорила вам в мастерской об этом. Вечером она пришла опять. Долго ждала вас. Раскадала про Остапа, про людей, которые его звали, про то, как он обратно в детдом вернулся... Жалко мне стало его. Пошла с Назаровой и привела мальчика к вам. Принести-привести пришла, а он все никак не может развеселиться. И я решила, что он не ест. Горе, винуло, у него на душе.

Макхам-ака наклонился к уху жены:

— Раз уж так получилось, то отведу завтра Сарсанбай в детдом. А сегодня пусть переночует.

— Что вы так, отец? Разве можно так? Похоже будет, что мы его выгнали. На всю жизнь такую недоброту залопотим.

— Боюсь, что трудно будет жить с такой семьей. Видишь, а-то как занят работой! Да и содержать детей надо, кормить, одевать.

— Только что при Назаровой осуждала я приемных родителей Остапа. Плохо, видимо, обращался он с ребенком. Нет, нет, недопустимо выгонять мальчика из дома! Чем он хуже остальных? Да и не остается он у нас без куска хлеба. Подойди-ка, сынок, ко мне.

Мальчик подошел к Мехринсе.

Она погладила его по голове, по плечам, задула маму:

— Пожалуй, помоет тебе пока лапы и руки. А утром уж искупаем. Поздно сейчас...

На рассвете

Час возвращения, особенно после победы, становится известным многим, а об отлете обычно не знает никто. Охотников встречать достаточно, а провожающие — добрые и бескорыстные — наоборот. А мы еще не слышим ни радио, тикотиски, говорим не о чем, да и кто знает, что уготовано на далеком стадионе...

Самолет уходил в пять утра. Я не был уверен, что дома проснусь вовремя, что найду такси, и счел за благо вечером приехать в Тарасовку на стартовскую базу, где жили футболисты сборной.

Сначала было похоже, что за разговорами мы вообще не уснем, все равно вставать в три. Но, как обычно, не заметил, как уснул.

Пробудился оттого, что кто-то мягко, деликатно, подомоченным поглас меня за плечо. Странность такого обращения заставила мило подытаться. Признаться, я готовился услышать здесь, в комнате, как в солдатские времена, рсхистское и грубое: «Подъем!». А тут, на заре света, какая-то вещь неслышно обходила кровати. Тень эта еще и пожалела, разбудила на полчаса позже условленного.

В открябшом непроглядной загородной ночи деревянный двухэтажный дом всплкнул огнями окон, загулел голосами и топотом шагов. Времени в обрез, на аллею перед крыльцом уже стоял и торопил нас автобус. Мы спустились с сумками и чемоданами, побросали их в двери и зашли в столовую. Нам отделили пять минут. И их хватило. На столах были разложены стопки аккуратных бутербродов на двадцать здоровых мужиков, чай в стаканах был крепко заварен, горяч и сладок. И оттого, что сборы были легкими и спорными, ничто не затрудняло, не раздражало, мы выходили в холодную ночь даже с каким-то удовольствием.

Прислонившись к косяку двери, стояла помятая женщина в черном сатиновом рабочем халате, повязанная белыми серыми платком. Она взглянула в лицо каждому из нас, когда мы проходили мимо, и тихонечко, почти шепотом, укавая ночное время, говорила: «Счастливы!». Поклонившись ей на ходу, я уже сделал несколько шагов по коридору мокрой грамамо, соображая, что она и была той тенью, которая обходила наши кровати, отделила и подарила нам полчаса сна, она, пока мы спали, готовила завтрак, с которым можно управиться за пять минут. Я почувствовал себя виноватым за свой покой на ходу. Вернуться, поблагодарить? Но дежурный уже пересчитывал нас, и мотор был заведен...

Когда пять дней спустя наша сборная выиграла в Афинах отборочный матч чемпионата мира, я вспомнил ту женщину в сером платке и ясно представил, как в эту минуту она, дослушав радио, тихонечко вымолвила: «Ну и слава богу...»

Солнце

Алеше Хачатурян, молодому человеку журналисту, страсть как хотелось показать мне Ереван солнечным, но ничего не получившись. Тот день был туманное серое небо, было сыро и промозгло, здания выглядели насухлившими, грузными, старобразными. Солнце должно было бы высветлять, попомодить, согреть стены. Ненастья явно не в лицу Еревану. Алеша сочувственно поправляла голову и, виновато поглядывая на меня, без конца твердила одно и то же: «Никогда, ну никогда, поверьте мне, апрель у нас так не начинался».

Мы с ним уже съездили в Цахкадзор, в Звигнади, на расписной красной Захарииной, а в последние дни жилище древних рукописей Матенадарана. Дни бежали, а солнце не появлялось.

— О, я знаю, куда мы сегодня пойдем! На выставку Минаса Аветисяна, — сказал Алеша и пропал.

В высоком зале со всех четырех стен было в глаза солнце. Там сошлись все чистота и резные краски Арменин, угнетенные от меня непогоды. Красная, желтая, синяя, зеленая — словно художник брал их прямо из солнечного спектра. От потолка исходило тепло, возле них можно было отгрезиться после улицы.

— А вот и Минас, — шепнула Алеша, кинув в угол зала.

Возле мольберта стоял небольшого роста худенький человек лет сорока, в плаще и берете. У него, длинное лицо, черные усики, но выраженные, а вырощине сажи, глаза, принаичие различать то, чего не видит находящийся вблизи.

— Сейчас я вас с ним познаюмо, — сказал Алеша.

С нашей стати отвлечь человека, он же работает...

Мы бескорыстие, Минас — болельщик. Мы знакомимся. Его приветливости где-то в углах грустных глаз. Это хорошо, ему бы не пошла светская суетливость. Трудно взять и выдолбить экспромтом свои впечатления художнику. Он избавляет мечту от эстетического изводит сам.

В футболе точно так же vanno поладание, ман и искусство. Правда! — Аветисян не подлаживается и собеседнику, он обучаивает, выбирает слова, хочет быть точным. Берет кисти и легкими мазками наносит в чистом углу полотна рисунок, и в тот момент угадать контур футбольного поля. Визуально, так ему удобнее говорить.

— Для меня не так уж важно, какие команды иградо, правше всего картина футбола. Один раз взглянул, даже не знал цели и правия игры, ты уже захвачен, тебе уже нравится. Чем захвачен? Длинным, длинными, усложностью всего того, что происходит. Футбол говорит с человеком сам по себе. Не имеет значения, чего хотят люди на поле, чего они добиваются. Это узнается познание власти футбола над собой. Возьмите вчерашний матч. Это была начотная, грязная минюпсия, без всяких линий.

Я всегда знал, что футбол красив, но никогда даже не пытался написать об этом. Казалось, что отгаданные тебе строки невозможно тратьте на описание, прямо и дежно не относящиеся. Мне стало мучительно стыдно, и я замкнулся художнику, укнмичу видеть стадион, футбольное поле и игру в первоаудиторной прелести, не замучившей ни ошм азартном, ни теми инженерными тагическими расчетами, о которых мы, журналисты, более всего знаем.

Уже на улице, где было по-прежнему холодно и прескучно, я попросил Аветисяна показать мне картину вивину футбола. И первое, что представил, было солнце.

Фрески

Мы — футболисты сборной СССР и журналисты — стояли, стурдмашся, на гладком железе круглой платформы. Высокотный сенюр хорошо поставленным баритоном объяснял нам, где мы находимся, что означает сие восьмьюгловый зал, еще не достроенный, куда пока никого не пускают, а нас, советских, пустили в знак симпатии.

Это Полиформ, здесь будут давать театральные и цирковые представления, читать лекции, здесь будут заседать конгрессы. Но это попутно. Полиформ — центр туризма в Америке, туризма культурного, без кабаков и пьянко. Люди войдут сюда в темноте, рассадятся в креслах, платформа начнет вращаться, и они услышат невидимый голос и музыку, взору их предстанут выхваченные лучами света фрески. Полиформ — новое слово в пластическом искусстве...

Сенюр горевый нараспев, «с выражением», а глаза у самого сухие.

Рядом с ним, ему по плечо, старый человек с седыми бачками, синеватыми мешками под глазами, с большим, уместным сморком, тинущим лицом. В мешковатом пиджаке он был худ.

Он нетерпеливо слушает высокого сенюра, ему самому хочется говорить. Это Сикейрос.

Его гортанный хриплый голос покинчил с экс-

Журналист шепнул, он лишь конспектирует события, устанавливает факты, толкует их, излагает свою точку зрения. Редко (если в редакции рассредоточен) и отведит длинные строчки! Он позволяет себе писать, как мысляло то, что он видел, без восторгов абмнн, которые на журналистском жаргоне именуется «клярской». Эта клярка всегда под удорою, ее нередко перечеркивает экононый редакторский карандаш. Возвратят не приходится. Обшир старший коллега наставлял меня: «Мы, батенька, выпускаем газету, а не альманах «Шлюенки».

Менду тебе, хотя журналист и излагает свои впечатления в черно-белых строчках, видято то он не в узде. Где-то в пылкости остается окешность собеседника, его голос и интонация, шум моря, дождливый день, солнце, здания, запахи цветов и еще многое другое. Быть может, по той причине нередко встречаешь газетчиков, которые рассказывают куда живее и образнее, чем пишут. И скорее всего по той же самой причине едва ли не каждый журналист летит надежду куда-нибудь усесться за книгу, потому что так много всего накопилось».

Обо всем этом говорит Аветисян, которые последуют этому ступлению, в свое время я «сообщал» в газете в нескольких торюпных строках. Потом эти сообщения не вывали мне житья, укорали, стыдили, дразили: «Только всего ты и заметил!»

Вот я и хочу вернуться к некоторым своим встречам и впечатлениям и попытаться рассказать о них с теми подробностями, которые дозволяются.

Лев ФИЛАТОВ

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

Рисунки Геннадия АЛИМОВА

гурской. Человек повел речь о деле, которым живет. Чувствую, что он не доверяет журналистам, но, дождавшись, когда все присутствующие оглянутся наши лица, желая найти в них отклик, понимание, сочувствие.

— «Мяри человетчав» — так называют финские люди человечество на Земле и в космосе. Никуда не денешься, борьба! Войны, репрессии и борьба! Линчевания и борьба! Чуждаюсь-агрессор. И протест, призыв к борьбе! Наука замыкает след над страдающими, бедствующими народами. Человек достигает Луны!

Среди умов, рядом с ракетой, нацеленной в небо,—умное, четкое очерченное, волею лица сильного человека, творца, мыслителя. Сийкёрус говорит, что от него ждали декоративной росписи-портрета поверга на беду в восторг. А он отстоял свой замысел, свое право показать людям то, что его, художника, более всего волнует. Показат, ткнуть носом, обвинить.

Выпачна вперед грудь, он молодое летучее существо, как, красн, здесь исполняет роль выжики, как их было ни у одного художника, что их можно мыть струей воды из брандспойта.

Он слышит, что с ним вместе работают архитекторы, инженеры, художники, мастера, специалисты—европейцы и южноамериканцы—и что его интернациональная бригада как боевое подразделение, и само ее существование для него—излет на мучительный вопрос, как же народы излет из всех углов, как восстановиться на Земле tutto умному, сильному человеку, как лицо изображено здесь с любовью и надеждою.

Мы выйдим на строительную площадку, оголенную высоким парком. Фотоаппараты уже подняты. Сийкёрус останавливается на лестнице и тнет к себе Яшину. Тот становится рядом, но, заметя, что уже очень возмущается над художником, опускается ступенчатой нише.

Да, да, слушай, четверо журналистов, проходим по улице мимо дощатого забора, ограждающего Полифорум, и столкнулись с Сийкёрусом. Он нас узнал и задержал. Правист Борис Орехов признался переводить Сийкёрусом разговор, но без утайки, обо всем помануя, как всегда при встречах на улице. Сийкёрус говорил с видимым удовольствием, инспектировать אותו ему не было никакой нужды. Мне показало, что он греется, когда лодке, способной, как он мне был уверен, познать и оценить его труд.

Тут я и спросил Сийкёруса об его отношении к футболу. Он ответил, что с интересом наблюдает за матчами чемпионата мира по телевизору, но играть не хочет. Сидит в галереях, наблюдая, он не раз использовал линии и позы, подкаленные этой игрой.

— Но не могу понять,—резоко сказал Сийкёрус, когда я футболу прилепился к футболу, что он раздражает вокруг него шовинизм и национализм.

Как водится, мы попросили у него автографы, и мексиканец Сийкёрус в четырех блокнотах, отвергнув большинство просьб, написал: «Победи команде СССР».

«Золотая богиня»

Не верится, что нет белая «Золотая богиня». Кто-то легкомысленно впился в ее статую строчку, что она станет собственностью тринадцати человек, звание чемпионок. Сидерали, и «Золотая богиня» ушла от мирских трудов, по-прежнему в монументальном планировании, в своих сейфах в Рио. Международная федерация послала объявление, что задерживая эту работу, отменяет строчки, и новый приз отныне будет всегда переходящим.

Впервые была статиа ювелиром Леффером. Для паринянина, который, конечно же, много раз работал на песчаной площадке Буарс с Нилой Самуфранской, выбор был не труден. Крылья богини ведь не скажутся, не услышат, они были достоян ее вчера, и тем, кто заслужил ее благо-сполучие сегодня. И награды, и награждение, и вечное бесполучие.

«Золотая богиня» просуществовала ровно сорол лет, пока она была в чести, и теперь ее не может. Она побывала в девяти странах Европы и Южной Америки, в тринадцати городах, в пятидесяти долгу жила. Извездая олности: ее укрывали в Бразилии от фашистов в годы войны, в Англии, что покыроло позором полицию этой страны. Она сподобилась чести путешествовать втай-

не, под вооруженной охраной. Ее изображали в раскраске вымышленными тиродами, и все ее звали в лицо.

И видел у статуэтку трижды и наидней раз удивлялся, какая же она маленькая при всей своей славе. Вить мышат, так казалось еще и потому, что держала ее женщина, могучей стати люда — бразильяк Беллини. Карлос Альберто и англичанин Мюр-де-Браун по размеру. Поднятая вверх руками капитана, она сверкала остро и резко. Была в ней уверенность, которую не способны заставить блеск дешевой красности.

Сорон лет лучшие сборные мира, и наша в том числе, мечтали о «Золотой богине», борлись за нее. Сама произведение искусства, она сумела сделать своим достоянием футбольный мир, а на мексиканском стадионе «Ацтека» Карлос Альберто устал и расслабленный спускался с трибуны на девятая черепаша награждения чемпионкой мира. Этот красивый и неггереволу страдальца футбольной истории. Строчку с картинкой, на которую все мы любили смотреть, с достижениями, рукописанные победителями. Но разве там уж все было так просто, как в «Золотой богине». Были бы прекрасные турниры, но на шутку юнущих чемпионов мира. Мы знали, что эта статуэтка, чье изображение было либо неведомо, либо ничего не говорит взгляду.

Наш футбольный Кубок, старинный, с расшатаванной оправой, до чего же он знаком и симпатичен. А победитель «Золотой богине» получает приз, который вручают команде — чемпионку страны! Я тоже и видел его не раз в жизни. Нето блестящее, жестое в стеклинном футляре. Нето блестящее, жестое в стеклинном футляре. Нето блестящее, жестое в стеклинном футляре. Нето блестящее, жестое в стеклинном футляре.

Мне можно выделить наумозбранные черты, можно твердить, что он крайне серьезное дело, чуть ли не отрасль индустрии. Он вытерпеть все лишения нашего времени. Романтика образная, чья бы ни была она, отвечает его предназначению. Оно и того и грустно, что кончился век «Золотой богини».

Обед

Днем ресторан ничего не сдерживает: хирургическая белизна скатертей, салфеток, курточек официантов, острый блеск ножей и бокалов, солнце в окнах. Наш столек посередине полуотпуготого «Метрополя». Мы за завтраком познакомимся с переводчицей и болельщицей футбола ведущей переговоров с тренером сборной Испании Эленю Эррерой. Я и Мартын Иванов Мерджанов представляем прессу. Чтобы все было ясно, называю дату: 19 мая 1966 года. Впереди матч Кубок Европы.

Мы молча попишем бумагу, разговор должен начаться позже, за кофе. Все чиновно, все предпретельные.

Эррера в сером в клеточку костюме, шелковой блузатой в кармашке, яркий салатик, курвачка, блестящая от бриллиантовя горюшка шевелюра. Пестроты и тщательность чуть больше, чем нужно. Лицо малоподвижное, грубоватое, резное, как у скульптора. А налетевшие глаза зномят, улыбки бровями и показываются только, когда необходимо.

Обед как обязанность, и все довольны, что ему приходит конец. Салфетки сокотками и отложены. Темне не козлаем.

Эррера отставляет кофейную чашечку и твердо ставит ложку на стол: он готов к переговорам.

— Да, гостиница устривает, номера осмотрел. Но вот просьба, завтрак футболистам подавать в комнаты, они любят после того, как заснут, есть немного понежиться...

Владимир Васильевич Мошкаркин чуть заметно пожимает плечами и делет пометку в блокноте. Темне не козлаем.

— За обедом ко всему бледам никакие подковы, кусок мяса или курочки...

Тут уж мы толкаем друга друга локтями, перемываемся. Подкаленные так, чтобы подкаленные так, чтобы изготвить таким образом, чтобы разостреть желудки стюлующихся. Эррера, разумеется, заметил и понял наш оживление, но лицо его непрочинило, глаза спрятаны. Он несколько раз морщит лоб, задумывается и доверие—за пределами его служебных обязанностей.

— Мон игрок не может бы оливяного масла. Мы получим его в Москве! Мошкаркин подывает официанта, повторяет ему вопрос, и тот уверенно кивает.

— Я хотел бы попробовать масло, говорит Эррера.

Официант уходит и возвращается со стаканом. Эррера окунает пальца в масло, всматривает и долго смакует, опробываясь.

— Да, да, попросю о всем мясе.

Ему хватает цифру в граммах.

— Хорошо.

Свернув глазами, Эррера впервые улыбается.

— Моя команда недавно была в Турции, я не проверял ее, а вы, вы оказались в тех котормым у нас игрок, и от каждого нашего удара улетал в облаках...

— Так и шел разговор.

Мы не знали тогда, что неделю спустя франкское правительство запретит своей команде поездку в Москву.

Не знали мы и того, что Эррера вскоре переберется из Испании в Италию, примет клуб «Интер» и со временем все мямя, до он оказался в тех котормым у нас игрок, и от каждого нашего удара улетал в облаках...

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

— Когда «Интер» уже стал знаменитым и полностью вылез из наших глаз в Лужниках осенью 1966 года, разругав, как по нотам, необходимую ему нулевою ничью с «Торедо», я вспомнил обед в «Метрополе», замкнутом, грубоватом Эррере, и решил написать статью, решительно все. Такой человек и должен был стоять во главе того «Интер».

КОГДА РЕЖИ

РАБОЧИЙ МОМЕНТ СЪЕМКИ ФИЛЬМА «СТАРИКИ-РАЗВОЙНИКИ». В КАДРЕ — ОЛЬГА АРОСЕВА, ЕВГЕНИЙ ЕВСТИГНЕЕВ И ЮРИЙ НИКУЛИН.

Наталья КОЛЕСНИКОВА,
Николай ГИСИКО (фото)

ЭВГЕНИЙ РЯЗАНОВ — НА ВОЕВНОМ ПОСТУ.

ожауд, самое трудное на свете — испытывать постоянную зависимость от других людей, их настроений и желаний. С этой точки зрения профессия режиссера в художественном кинематографе можно по праву назвать исключительно трудной. У писателя, чтобы выразить то, что лежит на душе, есть перо и бумага, у художника — полотно и краски, а режиссер располагает исключительно сложным инструментом — огромным коллективом индивидуальностей, из которых многие вправе претендовать на самостоятельность творческих решений. Попробуй-ка таким капризным инструментом создать нечто цельное! Не случайно среди режиссеров не так уж редки диктаторы-индивидуальности, которым в сто раз легче самим писать, самим снимать, самим играть, вот только сами сочинять музыку они не могут. Нередки и издерганные постановными спорами с коллегами и производственными неувязками нерастенки, для которых чем больше народу занято в съемке, тем сильнее мука. Может, стоило бы среди дисциплин, которые преподают на режиссерском факультете ВГИКа, оставить место еще для одной — что-то вроде психо-регуляторной тренировки, науки быть спокойным, беречь нервы свои и чужие и при этом идти к цели?

Впрочем, есть и среди режиссеров счастливые люди, которым эта способность — еси не богом данная, так сознательно выработанная — присуща.

Вот что рассказывала одаждям Игорь Владимирович Ильянский, за свою жизнь в искусстве повадший многих режиссеров и сам снимавший

картины, о Григории Васильевиче Александрове. В незабвенной александровской «Воле-Воле» фигурировала, как вы, может быть, помните, белая парочка, на котором артисты плясали в Москве. Стояла уже поздняя осень, когда на Рыбинском водохранилище снимали посадный эпизод с участием парочки. Нависшим концалась, завтра парочка должен был встать на причал. А эпизод не ладился. К тому же ала дождь. Все устали, нервничали. Наконец пропалауо созание, появился шанс завершить съемку, но тут кахитан — то аи он не понах режиссерской команды, то аи навола а ему вся эта воляика — вместо того, чтобы повернуть к берегу, отвалила к горизонту. Група была близка к истерике. И только Александров, взвев губную гармошку, которую всегда носил в кармане, спокойно настреляла что-то. Это было его способ не выходить из себя.

Игорь Владимирович вспоминал об Александрове к слову — разговор у нас шел об Эмалре Рязанове. Ильянский сказал, что Рязанов напоминает ему автора «Воли-Воле» и «Веселых ребят». Это показательно удивительным: что между этими двумя комедографами общего? Но Ильянский, оказывался, имел в виду не характер юмора того и другого, а нечто совсем иное — манеру работать, отличающуюся редким спокойствием.

— И доброжелательностью и вынашиванем... добавлял Игорь Владимирович. — О, актеры это умеют ценить! Есть режиссеры, в работе с которыми актер чувствует себя как бы на узкой тропинке — они шлят в сторону от замысла. А Рязанов согласовывает свой замысел с актерами и выманывает из них то, что ему нужно, почти не подсказывая.

Актер ощущает свою самостоятельность — он творит, а быть творцом пусть мелалк, но находок всегда радостно.

Как же достигается благодатная для творчества рабочая атмосфера? Рязанов снимает «Старика-разбойника», вседуо и, как у него обычно бывает, чуть грустную, вернее, располагающую к раздуумью, комедию. В паньонное открыт настоящий музей живописи: Рембрандт, Гойя, Веласкес — в копиях, разумеется — висят в тяжелых золоченых рамках. Вокруг одного из этих великих полотен и должно развиваться действие. Рембрандтовский «Портрет молодого человека» намереваются укралить из музея герон филма — два «старика-разбойника».

Рабочие характеристики этих персонажей — «Шустрика» и «Мамалка» — Никулин. Ведущий в дуэте, конечно, герой Евстигнева, инженер Воробьев, обладающий, согласно сценарию Э. Рязанова и Э. Брингиского, «тонной», в которой полым-полво разных идей», человек порывистый и увлекающийся. Друг его — следователь Мачиков, напротив, необыкновенно застичив и робок.

— Впрочем, — заметил, рассказывая о «стариках», Рязанов, — оба они люди очаровательные в своей наивности. Но, когда со своими престелствами, наивными представлеланиями они пытаются подойти к привычной, сложившейся жизни, возникает трагикомический конфликт, выходит смешно и грустно, как это в жизни и бывает.

Рязанов еще раз быстро — не походка, а без трясунной — повторил путь, который предлоало сейчас пройти «разбойникам» к заду, где висела

приговорная к краже картина, и скомандовал начинать. И тут началось то, о чем говорил Ильинский, — веселая легкость труднейшей работы по высмариванию искр юмора.

Узнав историю. Казалось бы, чего простодушнее режиссера — снить что и до, не трагит времени на пустяки. Но Резанов не знал и называет себя режиссером литературным и актерским. Душа его филаном — в непосредственности выражения мысли — тем, что заставляет автор, эту высокую миссию делами. Самые близкие, домашние лица и единомышленники режиссера — актеры. Ни на мгновение не забывает о том, что должна выразить данная сцена, Резанов предоставлял колоссальную возможность фантазировать, развивать тему.

В сатирических рабочих халатах, с раздвинутой лестницей в руках актерами под видом реставрирования выламывает двери зала, где висел Реформат. Вперед решительно шагает Воробьев. Выслушав, за ним тапается перепуганный всей этой затеей Мичков — Никулин. Два великодушных актера и два предмета — лестница и дверь, которые им предстояло обработать.

Преамбула возникающих импровизаций заключается в том, что Никулин и Евстигнев между собой не стоваривались, выдвуха одного для другого оказывались нежизненною, а режиссер и один из том же дубе — острых спориозов, чтобы пойти их на публику.

Вот «разбойник» бодро подошел к двери. Реальный Воробьев вынулась вперед, но Робкий Мичков, примитив в зале дедупируя, испуганно ступил назад. Произошла авария — выламывая, после которой лестница все-таки попала в зал. Так сцена один дубль.

В следующем дубле Никулин ловко захватил лестницу в момент занавеса за дверную ручку. Евстигнев дернул — что такое? Отпустил с самым искренним недоумением. Перепуганная группа Мичкова вынулась из-за двери. Разобравшись, в чем дело, Евстигнев даже присутствия от удивления.

Резанов расколотся. Право же, не часто удается видеть на съемках столь искренне выселющиеся режиссер! При своем самом высоком профессионализме автор («гусарской кадды» в русских автомобилях) способен мгновенно переключаться с режиссерского настроения на непосредственное, зрительское, абсолютно не стремясь сохранить вид человека, который вершит нечто столь важное, что делает его недоступным для зрителей. Для актера и для критика и опытных и неиспытных его смех — самый точный критерий. Известно, что пока не смешно, разрешить Резанова невозможно, зато смех его — знак того, что найдены верный путь.

— Мы с Никулиным закончили игру, — рассказывал Евстигнев, — самый разгар наших импровизаций предлагаем режиссеру разны, заведомо невозможные решения, а потом вроде бы между собой, но только говорим: «Нет, этого нельзя, оно без юмора, не пойдет...»

В третьем дубле Никулин спиртается за стеновую у дверя античную колонну. Жаль, что она была из пенопасты и закачалась, испортив съемку. Вспомнил резкий и Никитин, — поставил режиссеру, что стою бы, покажу, — быстрее! оторвать дверную ручку и сунуть ее в карман... Но это предложение было явно явно из области «Режиссер у нас без юмора», и, поучаствовав, что тема с юмором исчерпана, Резанов решал на этом остановиться.

В комедиях Резанова, где за житейской простодушной убедительностью очень часто прячется остроумное ироническое отношение к общепринятым понятиям, — предельно заостренное, ситуация, актеры и самому режиссеру очень важна бывает тонко почувствовать допустимую меру условности. В шутовской игре с режиссером, придуманной Евстигневым и Никитиным, эта потребность в критерии выражалась как бы стихийно. Как им опытные зрители как тонко ни чувствует каждый из них жанр, им тоже необходим корректор, достойный безоговорочного доверия.

Почему большое внимание уделяла нужна эта коррекция десять лет назад начинающему у Резанова своему кинорежиссеру Сергею Юрскому, снимавшему тогда в «Человеке интюда», картине, теперь почти забытой, а в то время вызвавшей довольно бурные отзывы?

— Name знакомство, — вспоминал Юрский, — состояла в модахфильмовой гримерной, где мне, человеку, любящему клоунаду, встречая такой интересный вид, что я стал бурно выражаться: мне хотелось бы как бы стилизовать. Как им опытные зрители как тонко ни чувствует каждый из них жанр, им тоже необходим корректор, достойный безоговорочного доверия.

внутренне очень податливый, cheeko ситуаций! резким. В том самом первом споре он вначале резко возражал: «Будет так, а не иначе!» Тогда я, пытаясь его убедить, что костюм не то, начал показывать какие-то кусочки роми. Эдзард смотрел непереведенно. Потом, расцветаю и сказал: «Густь будет так, как хочешь».

Была и такой эпизод, — продолжал Юрский, — Снимаю комбинированный кадр: мм с Юрским Яковлевым летим в космос. Нам полдела на металлических актис, а Эдзард ходил по полу. Тут в воздухе Эдзард, присаживаясь, присел, — плавный, — о мере условности. В фильме экзистенциальском, где, казалось бы, можно даже все что угодно, очень важно, просто необходимо, найти ту форму, которая отсекает избыток возможностей, очерчивает границы возможной экспансии художественного произведения, несящее идею, а набор трюков. Речь шла о том, чем самоограничиться, чтобы экзистенция выглядела убедительно. В данном случае я, актер, выступал луборником. В другом случае, а Эдзард толкала меня, как мы разошлись, к анархии. Как правило, в подобных спорах не бывает победителей и побежденных, но зато рождается какая-то общая рабочая точка зрения, которая определяет следующий шаг.

Двери к профессиональному мастерству коллег, уверенности, что специалисты сделают свое дело, — одна из основ спокойствия руководителя. Любого, а тем более творческого коллектива. Так, разбираясь, оговариваясь, сотрудничая с актерами, никогда не прибегая к покаяу, так ставят самые рисковые трюки (помните погону в «Бергисе автомобилях») и работает с композитором. О работе режиссера с композитором стоит поговорить отдельно. Музыка, которую режиссер всегда всегда играт особую роль, — ей доверено выразить то, о чем не говорится словами, но ради чего и ставится фильм. Уже третий свой фильм Резанов снимал с композитором Эдгаром Петровым.

— Есть режиссеры, чьи самые лучшие эпизоды стареются пораить композитора своими познаниями в музыкальной терминологии, давая собеседнику понять, что разбираются в музыке, — вспоминал Петров. Резанов с первого же предложения разговора, несколько бравоура, затию: «Я в музыке ничего не понимаю». Как я потом понял, это заявление было совершенно несерьезным. За ним крылось стремление заставить меня поверить в свою компетентность. — А пожалуйста Резанова насчет будущей музыки были такими: «Мне бы хотелось услышать музыку, немного грустную, по поводу того что история фильма Деточкина по мотому грустная, хотя ни в какой-то изобразлении не говорится об этом почти ничего...»

— Надо сказать, что играю я плохо. Поэтому об этом, показывая музыку, я что-то напрягаю, что-то пытаюсь, а больше и не знаю, как назвать при этом, что такой метод демонстрации творца аудио требует от собеседника умения скватывать мысли и слышать вместе со мной то, что в данный момент не могу выразить. Из-за этого у режиссера окончательное впечатление о музыке складывается только на запись. Так и Резанов только на запись смог по-настоящему разобраться в том, что же он в конце концов получает. И тут он проявляет терпение, а больше и не знаю, как назвать. В музыках к «Бергисе автомобилях» поговорию с южноточной стеной на вечеринке. Услышав этот текст, режиссер, сидевший у микшера, пустился в пляс: — представьте себе его грузную фигуру! — мне пришло ощущение, что восторг. Но когда Резанов, спокойно, шадя мне самолюбие и стараясь не поставить меня в неважное положение перед оркестрантами, говорил об этом. Везд обычно на озвучивание бывает несколько записей. Между ними несколько дублей, и всегда есть возможность что-то поправить. Тут-то я окончательно понял, что Резанов — человек с тонким музыкальным вкусом, великолепно разбирающийся в музыке.

«Музыка к фильму не могла быть такой». Пожалуй, эти эпиграфы наиболее точно определяют настроения резановских комедий. Везд и о «Странных-разбойниках» режиссер говорит:

— Это был фильм, который продолжал тенденцию моих последних картин — «Бергисе автомобилях» и «Зигзаг удачам»...

Можно ли назвать тенденцией нежное внимание к человеку? Или Резанов это не просто тенденция, а нечто большее, нечто вроде принципов отношения к ним. Внимание к человеку — его совпадение в его судьбе определяют то мироощущение, в котором он живет и снимает фильм. Нельзя сказать, что трудная режиссерская профессия от болельщиков была немаловажным стимулом, определяющим сложный механизм активного творчества, в атмосфере дружеской делается прочнее. И любая работа спорится.

КАЗЕНА
СТРЕЛЯИ

Со стр. 23.

Освободились ли когда-нибудь великая игра от таинственной паразитирующей привады? Или нет. Застолье наше редкело, члены правления, отсутствующие, один за другим исчезали. Мы собрались отпраздновать, как всегда с утра, что-то было присутствием советской делегации, и начался на первом совещании другой абсурд. Кто-то обиделся, кто-то струсил. Отташили столы, убранные стулья, и перед нами, был, пришлось танцевать ритмично, как всегда. Кто-то пришел и начали танцевать, молодые люди, потом пожилые, потом выросли все, стали приходить к столу. Кто-то выпил, кто-то лез от метализации тарелку.

Мы поучаствовали себе обидными ман-то от лица банкет службы и русии, остались похвалиться «Слово!» «Слово!»

— Из-за острота на стремеж, на простор речной волне... Зал затих, я слушал нас с вниманием и соучастием. Наверное, мы были неслышно. Но наше миссия турне заканчивалась, все мы люто сочувствовали, но самое была истати русские песни, и, кто знает, был просто так.

— Нам хлопаны, мали Юри и снова пошли ценить свою луювую изуку. Оригинальный тягостный банкет свалил и русии, остались прохвалиться доброты неизвестных людей, представлявших не правление, а магазины и фабрики, а также свое радушие и веселье. Радуйтесь этому, а не своим удовольствиям и разгуляваются футбольные матчи.

Любитель

Несколько лет членом редакционной коллегии «Футбол» состоял Алексей Михайлович Янин. Он аккуратно являлся на заседания и неизменно выступал. Начиная он, сколько помню, с одних и тех же слов:

— Прежде чем уступить извинения, но позвольте мне, моему скромному любителю, высказаться, причем любителе «Спартака», чего я не скрываю и чем горжусь, высказать несколько соображений... Обращаясь к сидящим за столом людям, ощущая звания их заслуженного человека, заслуженного тренера, кто судьи международного категории, Янин выговаривал слово «любитель» с нажимом, многозначительно, словно оно, как правило, должно было открыть ему доступ в кружок этих знаменитых в футбольном мире людей и уравнять его с ними в правах. И, представте, уравнивало. Сначала все улыбались, предвещая забавный монолог.

Почему, и спрашиваю, столько юмора в игре, гадеж на поле, пререкания с судьями! Почему на поле командуют все, главным образом те, которые хуже игроков?... Люди, профессионально знающие футбольное дело, но не складывали их отношения друг с другом, а какие бы противоречия они не имели, чувствуют себя со своим клямом, объединенным молчаливым согласием в том, что они и только они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свой амерья высказаний, который, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно.

У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно. У них свой язык, свое уважение высказаний, которое, будучи точнее, а в то время осторожен, уклончив, уважительно, ибо все они вдоволь извели капитры и превратности игры, бывавши по ве милости они знают футбол доподлинно.

Слова Янина, что командуют на поле те, которые хуже игроков, лишь по первому впечатлению

тивов ничего случится не может. Единственное, что сделала Фред, так это отвел в сторону сына и на всякий случай сына ему:

— Майка, дай мне слово, что ты будешь, в оба глаза смотреть за мамой и не отходить от нее ни на шаг.

— Почему? — полобыщствовал Майка, не умевший быть слепым орудием даже в руках собственного отца.

Фред помолся, а потом таинственно произнес: — Выжди! — И кивнул в сторону трех громов.

Майка тоже посмотрел на «алдей», что-то переварив в своем детском мозгу и хитро улыбнулся. Честер не мог поручиться за то, что его сын не подумал о напрасных опасениях отца, поскольку мама совсем недавно в присутствии Майка выражалась в том духе, что мужчины с нейтронейтральными рожами не в ее вкус. Впрочем, Майка мог решить, что его папа — слишком хитрая бестия, если придама снуд порушение, которым всего-навсего обменяла матери надзор за ребенком. Так или иначе, но после некоторой паузы Майка сказал:

— Езжай спокойно. И тут же, без всякого перехода, бросился с противительными воинственным глаголем «Фя-и-ксал» навстречу Роби Найту, показавшемуся со своей мамой в конце аллеи.

И никакое мрачное предвещание не совпало бы в этот момент в душе Фреда Честера.

Линда

Фантастический детектив

ата,— сказала Майка,— ты не знаешь, что им надо?

О, Фред отлично знал! Резко перебившись, он встретил недвусмысленный взгляд двухметрового гиганта, который был у них, вероятно, за главного. И тогда, ни слова не говоря Майклу, быстро свернул на центральную аллею. Крепко держа сына за руку, Честер пошел к ближайшей телефонной будке.

— Двид! — сказала он, когда услышал характерное «да-да» на том конце провода. — Я должен сообщить тебе нечто важное. За нами с Майком ходят подозрительные типы. Вылезай сама или присылай Таратуру, а мы послужим приманкой.

— Где вы находитесь? — спросил Гард.

— В парке Сента-Клосс, в районе Крутых прыжков.

— Не кладь трубку, я кое-что выясню. Пока Гард что-то выяснял, Честер видел через стекло, как троица, не дойдя до телефонной будки метров двадцати, внезапно останавливалась. «Вот крепкий! — невольно подумал Честер. — Даже странно, почему полиция до сих пор не может покончить с рожетирями, работающими так грубо».

— Аало! — послышался наконец голос Гарда. — Фред, посмотри на этих типов и скажи мне, есть ли среди них детены двухметрового роста?

— Есть, — несколько недоумевая, ответил Честер.

— А не торчит ли у него в петлице пиджака красивая голландка?

— Голландка это или нет, — ответила Честер, — но что-то красное торчит...

— Тогда не волнуйся. Это мои бованы. Я сейчас позвоню Хьюсу и попрошу почистить им мозги. К сожалению, дорогой мой Фред, детектив с таким ростом умным быть не может.

Выйдя из будки, Честер нарочно прошел с сыном совсем близко от грома, смерив их презрительным взглядом. Впрочем, на лицах полицейских ничего не отразилось.

Подходяло время, когда в парк должна была явиться Линда и сминять мужа. Троица тутто сопроводила Честера с Майком до небольшого детского рестораника «Когда я ем и терпеливо наблюдала, как они без особого энтузиазма распивались со вторым завтраком. Когда пришла Линда, Фред решил не предупреждать ее о грозящей Майклу опасности: во-первых, жена умрет от одного разговора о рожетирях, а, во-вторых, в присутствии детек-

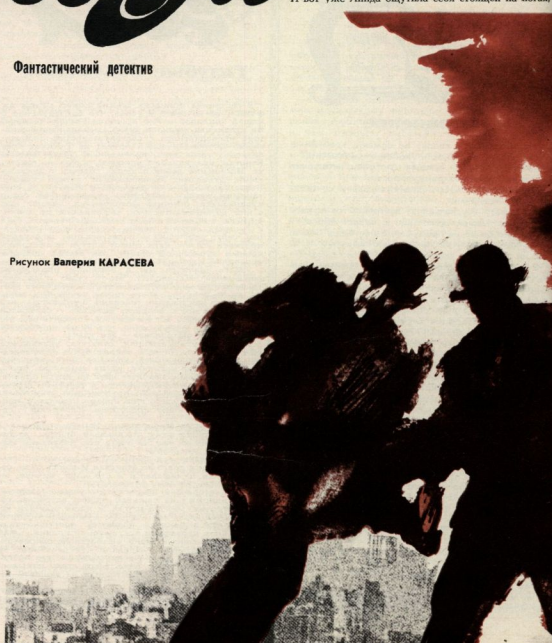
Было очень жаркое лето. От мягкого, расплавленного асфальта поднимались густые, тяжелые пары воздуха, заполняя дома и выкуривая из них все живое. Бессильной оказалась даже новейшая модель кондиционирующей установки под названием «Перед смертью не надумишься». Жители, не занятые работой, но и не уехавшие на море, выходили утром на улицу с единственной надеждой бы, по крайней мере, найти кусочек спящей тени. Расположившись в низких плетеных креслах под тентами, вытянув ноги и ослабив поясные ремни, мужчины тинували холодное пиво, ошущая жароустойчивость мозга и ланость мускулы. Женщины предпочитали укрываться от жары в парках и скверах, наслаждаясь относительной холодностью желтого и мятого, как пуши, искусственного песка. И только дети чувствовали себя в родной стихии: они бегали, прыгали, кричали и радовались, с недоумением поглядывая на взрослых, напоминающих рыб, выбранных из воды.

Марлон Найт и Линда Честер почитались было повторить о новой моде на вечерние туалеты, но разговор не получался, и они умоляли, чтобы рассматривая окружающее. Иногда в поле их зрения попадали играющие Майка и Роби, и все на свете, кроме двигающихся детей, казалось им остановившимся, замершим, приторно-опытым и усталым. Впрочем, именно поэтому бурные события, разгравившие в течение каких-то пяти-шести минут, прозвевали на них впечатлительно долгого, мучительного и кошмарного сна.

Сначала Линда услышала визг ребенка — резкий и протестующий. Затем ее взгляд вырвал из заторможенного окружающего мира странно подвинутую картину: двое мужчин тянут в кусты ребенка, держа его за руки и за ноги, но ребенок, всякая яростно сопротивляется, и потому мужчины, подвигаясь сгибающимися и разгибающимися движением ног ребенка, то складываясь, то раскладываясь и между тем все же неутомимо удаляются в сторону густых зарослей парка. И тут более интуитивной, чем слухом или зрением, Линда поняла: Майка! Никакого чувства страха! Лишь удивление: да что они, с ума сошли — выдумывать такие мажорские игры! И вот уже Линда ощутила себя стоящей на ногах,

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Продолжение. Начало в №№ 1—2.

уже бегущей, хватающей за руки неукомых мужчин и тот уже что-то кричащей. Всеположающий страх обуял ее, когда она увидела вместо обычных человеческих физиономий тулупы, одетые на лица маски, неспособные ни выслушать, ни понять, ни пожелать, ни даже испугаться. Мужчины с настойчивостью механизмов продолжали делать свое дело,— и Линда поняла: бандиты! И вновь, но уже но сто крат увлекательное, познание у нее желание действовать: кусать, бить, царапать и рывать,— но обязательно спасти сына!— желание, делавшее всех матерей во всей живой природе безумно храбрыми, смелыми, готовыми на самопожертвование.

Когда Майка оказалась в ее руках, а двое бандитов— связанными и лежачими на траве, Линда не сразу поняла, что этот результат— не ее рук дело. Секундой позже она увидела, что рядом стоят полицейские с резными дубинками в руках. Они тяжело дышали, как после короткой физической работы. Чуть в стороне в истерике билась Марион Найт, прижимая к себе перепуганного Робби, и еще один полицейский, возрастом немного постарше остальных, успокаивал ее в глади мальчишку по голове.

Сядя с Майкалом в микроавтобус, тоже как во сне повисшей на алаке парке, Линда махнула Марион рукой и, пока тулье в втаскивал двух бандитов, сказала:

— Позови Фреду! О, боже мой!

Через пятнадцать минут в кабинете Гарда раздался телефонный звонок. Это был Честер.

— Спасибо, старина!— заорал он.— Мне Марион все рассказала!

— На здоровье,— ответил Гард.— Только объясни, пожалуйста, кто такой Марион.

— Подрута Линды, ведь все случилось на ее глазах. Она говорит, что те двое имели жалкий вид. Хорошо, что они не увернули Майку руки и ноги...

— Стоп, стоп,— прервал Гард.— Начни все сначала.

— Я говорю: не увернули ноги!— сказала Фред, полагая, что комиссар плохо слышит.— Линда у тебя?

— А разве она должна быть у меня? Что случилось?

Фред на мгновение умолк, соображая, почему комиссар задает такую неслепую вопрос.

— Разве ты не знаешь? Двадцать минут назад двое бандитов напали на Майку. Ты слышишь меня?

— Да-да, слышу.

— Все это произошло на глазах Линды и Марион Найт, ее приятельницы, жены Фредерика Найта, владелица кафе «Одно прекрасное мгновение»...

— Не отвлекайся.

— Хорошо. Но твои люди вовремя оказались на месте.

— Прекрасно,— сказала Гард.— И что же?

— И отбил Майку. Бандиты робинья, Гард! Ты слышишь меня? Все они поехали в управление, так, во всяком случае, поняла Марион. А там сдым всего пять минут.

— Где все это случилось?

— В парке Сента-Клосс, район Крутых прудов.

— Минуту.

Свободной рукой Гард нажал кнопку звонка и бросил возмущенное дежурному:

— Хьюс! Срочно ко мне!— И уже в трубку:— Фред, подожди секунду, я сейчас выясню, где Линда с Майкалом.

Воню инспектор Хьюс, и Гард, прикрыв трубку ладонью, сказал:

— Докладывайте, Хьюс.

— Что именно, шеф?

— Разве вам нечего доложить? Вы послали парда, где же он?

— Не понял вас, шеф.

— Семидатый объект!— слегка повис голос, прозвев Гард.— У вас девичья память, инспектор. Возраст был не по возрасту.

— Семидатый.— Хьюс задумался.— А Семидатый! Майка Честер! Так вы же сами просили меня, чтобы я прочистил мозги Шамбуру и его мальчишкам. Я свихнул с объекта...

— Ступай. Кто вестю нх?

— Пока никого. Заступит вторая смена, и я поставлю Мердока. Я полагаю, что маленьких перешью...

— Как никого?!— взревела Гард, но тут же взяла себя в руки.— Честер! Будь у телефона!

Комиссар резко поднялся с кресла и подошел к столу, к которому стоял сидевший. Низкая кнопка «Вызвать», он произнес в микрофон:

— Говорит комиссар Гард! Все дежурным управлением срочно проверить по участкам и доложить мне по форме сто одиннадцатой, каковы на ваших участках признаки участия в спасении от бандитского налета ребенка по имени Майка Честер в парке Сента-Клосс приблизительно полчаса назад!

Прошли томительные две минуты, прежде чем включился первый дежурный, а за ним— остальные, строго соблюдая очередность, соответствующую номерам полицейских участков. Увы, никаких признаков участия в преступлении сообщено не было.

— Простите, но вы болан!

— Я просил бы, шеф...

Но тут уже позвонил телефонному трубку:

— Фред! Сколько было «монк» людей, и как они были одеты?

— Марион сказала, что пятеро,— ответил Честер.— Петеро поименно. А что?

— Не знаю. А где же Линда с Майкалом, Гард?

— Скажи мне, Фред, где находится твоя Марион!

— Ты как-то нехорошо говоришь, Дэвид. Что-нибудь случилось?

— Дай мне срочно адрес или телефон Марион!— заорал в трубку Гард.— Мне дорога каждая секунда, а ты лезешь с дурными вопросами! Может, еще ничего не случилось, я буду сейчас выяснять, но многое в этой истории мне не нравится! Диктуй адрес!

Одновременно с этими словами Гард вновь вынул дежурного и, когда тот повисая в дверях, коротко бросил:

— Таратури! Из-под земли!— Затем Хьюсу:— Я, конечно, погорична, инспектор, но счета со мной вы сводите, когда-нибудь положе, сейчас надо работать. Срочно берите людей и обследуйте парк Сента-Клосс, район Крутых прудов... Одну минуту, Фред! Ты нашла вахмет адрес? Да, я готов записать! Улица Габсорн, 16, Марион Найт. Это хорошо. Телефонный? Это хорошо. Откуда ты говоришь!

— Что-нибудь случилось, Дэвид?

— Я спрашиваю, откуда ты говоришь!— теря терпение, прервал Гард.

— Из редакции. Но перестать кричать на меня, я ни в чем не виноват!

— Прости меня, Фред,— сказал Гард, вновь беря себя в руки.— Нам сям на место, или привези свой соды. Мне некогда. Все!

И Гард, бросив на рычаг трубку, повернулся к Хьюсу:

— Имейте в виду, инспектор: под видом полицейских действуют банды ракетеров, но, кажется, они даже не ракетеры. Будьте внимательны и осторожны! Из парка отправляйтесь с группой к Тру Сайрусу в ипотечку. Не показывайте ему на глаза, выделите наблюдение и ждите моих указаний. Поддерживайте со мной постоянную радиосвязь. Действуйте!

Открылась дверь, стремительно вошла Таратура.

— Я все поняла, Гард,— сказала она.— Я слышала селектор. Уезжайте!

— Бовос, что да... Вам два задания. Вот адрес, поезжайте и допросите Марион Найт. На ее глазах все и случилось. Результат доложить мне по телефону. Второе: прямо оттуда отправляйтесь в паркимастерскую, я подожду там группу Мердока. Будете арестовать братьев на мушке.

Очередные десять минут Гард простоял у открытого окна, стараясь привести в порядок слегка расшалившиеся нервы. Затем позвонил комиссару Вутсу.

— Приветствую вас, коллега,— произнес Гард голосом, в котором было больше актерских, чем человеческих интонаций.— Я еще не успел вас поздравить с благополучным завершением дела Ут Дюбб, так что примите...

И Гард, несколько минут говоря слова, от которых у него самого повисая противный металлический привкус во рту, Гард вновь убивая время, но убивал не без пользы: с Вутсом надо было дружить, он мог быть пригодным.

Наконец объявился Таратура. По сравнению с тем, что сказала Гарду Честер, ему удалось узнать только две новые подробности. Во-первых, «полицейские», как успела заметить Марион, были «одеты с иголочки, только что от портного». Во-вторых, они сели в микроавтобус, имеющий значок кузову аркую желтого цвета.

С такими половами, как упомянул Гард с Таратурой, ходила все оперативные машины полицейского управления.

Заключив телефонный разговор с Гартуевой, Гара вновь подошел к селектору:

— Вынимайте, говорит комиссар Гара! — сказал он, но этот раз хлопку «Гартуева» он не дождался. Несомненно, какие-то люди, одетые в новую полицейскую форму, и двумя — в гражданском, были похищены в присутствии чехов и пятимилионной марки Майкла Честера и его отца Андида Честера двадцатью или сорок лет. Невольно вспоминались микроволновые марки «Нумер», имеющим желтую полосу вдоль кузова. Норме машины установить не удалось, маршрут деловая — тогда Гара догадался, куда именно находится автомобиль. Выставить заградительные посты по всем дорогам, ведущим из города! Немедленно проверить наличие всех микроволновых устройств марки «ПТМБ» и взять на учет все автомашины, принадлежащие Поддону и вертолетный отряд Стива Андерса! Докладывать лично мне все сведения по городу о любых происшествиях через двадцать минут! Подготовить оперативную группу! Вел!

Зытляком Гара чувствовал, как отключилась дверь, а кабинет вошел человек и остановился за его спиной. Шедевр выключателем селектора, но обнаружившись, Гара медленно провизгел:

— Факто, стана... на... казавал... тебе нас. Но ты уже слышал: я перешел в атаку. Умере надо ждать. Будешь жить кофей!

Сигаруе! — сказала Фред Честер, тяжело опускаясь в кресло.

Ожидание — это всегда трагедия нервных клеток, которые, как известно, не восстанавливаются. Пойкой Альфред Дав-Купер говорил, что детектив может отчаянно драться, быстро бегать, великомерно разбегаться в смегах, бегать, нимало лишнего и осторожным, и между тем его можно считать настоящим детективом лишь в том случае, если он умеет ждать. Итоги и поиск! — говорила учительница Гара — это уже крайнее дело. Надо надеяться за следствие так, чтобы преступник сам пришел, запутавшись в хорошо расставленных сетях. Не бейте напрасно за преступником, а ждите, когда он сам принесет себя в ваш участок!

Черт его знает, ты ли обещавал, во времена Альфреда Дав-Купера были другие, то ли преступники, то по последние десять — пятнадцать лет Гара, что ты не слышал, чтобы они являлись «готовыми к делу». Впрочем, Уг Давид, сам себя слышал. Ну, так она была преступницей!

А жаль действительно было трагедо: именно напряжение стону удерживать себя в кабинете, у кабинета и сидеть, и не совраться с места, не кинуться в самую гущу событий!

Собственно, каких же событий?

Да никак!

Хорошо, пересмотреть весь парк Саута-Класса, направить одну группу от штабных Майкла — разве это событие? Затем он расположился в парке напротив ипотечки Тура Сайруса и регулярно сообщал, что все спокойно и тихо. Также же сведения поступали от группы, наблюдающей за братьями Пусы. В первой городской свободе, перешедшей комиссару Гара, говорилось об одном утолнении, шестнадцати мелких кражах в универсальных магазинах, двух самовывозах, четырех обрабавлениях в одном супермаркете с переносыванием автомашин, но без человеческих жертв. Две последующие сводки по своему характеру не отличались от первой.

Честер не находящийся здесь

— Пора и реальноties вникать за Сайруса и Пусую?

— Бессмысленно и опасно, — ответила Гара. — Пока мы не установим, где находится Майкла и Андида, пока не примем меры безопасности, мы не имеем права ими рисковать. Кроме того, если уже брать стариков и их родственника, нужно брать с полдюжины. При всей логике своих рассуждений Гара все же с сочувствием посмотрел на Честера. Да, для которого бездействие комиссара казалось наиболее преступлением в сложившейся ситуации — Нет, старина, подождите!

Должа же быть награда тем, у кого есть терпение!

Заглял красная лампочка селектора.

— Шеф, срочное донесение. Вертолет Стива Андерса обнаружен на опухле леса в районе третьего городского участка.

— С ребеноку! — быстро спросил Гара.

— Насчет ребенка ничего не говорится. Андерс сообщает, что женщина то ни мертва, то ни слышатся признаков жизни. На Честера Честер трясущимися руками набил себе стакан воды и залпом выпил его, стуча зубами о стекло.

— Передайте Стиву: женщину подождать и как можно быстрее оставить одного!

В ближайший тридцать минут ни Гара, ни Честер не произнесли ни единого слова, ровно до тех пор, пока лампочка не заглянула вновь.

— Андерс на подходе, шеф, — сказала дежурная. — Женщина жива. Ее имя Андида Честер.

Гара удалял Фреда в соседний кабинет и приоткрылся к встрече. Андида вошла в кабинет собственной инициативой и довольно решительно.

— Андида, — сказала она, — на вас все надежда! Это ужасно! Это ужасно! Это ужасно!

— Садитесь, Андида.

В продолжение всего разговора она ни на секунду не присела, а дигалась по комнате, пересекая ее из угла в угол. Внешне спокойная, Андида держала взгляд направленный напряжение, готовый вот-вот обрушиться, но все же держалась, вызывая необычное восхищение Гара.

— Кто они, Андида? Зачем им Майкла! — Это было главное, что ее интересовало.

— Вам лучше ответить моему вопросу, — Гара до конца попадала бедную женщину. — Они будут охранять Майкла как женщину его. Ведь он из капитала!

— Если так, почему они не звали Робика Найта Маркони и Фредрике богаче нас...

Гара подумала:

— Успокойтесь, Андида. Когда назначается выкуп, все родители одинаково бедны и одинаково богаты.

— Нет, сколько бы они ни назначили, мы с Фредом все равно выплатим! Но как это сделать? Когда Гад!

— Не горючите, сначала расскажите мне по порядку обобщенное происшествие. И скажите, что мы просто попытаем ии, и дело кончится быстрее и проче.

Малгиотой был включен и тихо шипела, не привлекая внимания Аниды.

— Вам подругой Ми гуляла с Майком...

— Это я знала, — прервала Гара, боясь потерять шаг.

— Мы сам, встанция дома. Майка был у меня на коньках. Как только трюнылись, меня скрутили, завязали глаза и затащили рт катлом, а Майка был тут же, и это чувствовала, и, кроме того, мы до конца не остававались. Берогоню, они ему тоже завязали рот, ведь мальчишка, но из тех, кто будет жаловат, когда так обращаются с мамой. Они не могли выкинуть его на ходу? О, боже мой!

— Успокойтесь, Андида, — мягко сказала Гара. — Вы лучше договоритесь, рэктрим обругаете.

— На поздравлениях я как-то не обнаружила внимания. Молодые, сильные, хорошо одеты — как на парад. Пожалуй, лишь тот, кто был у них старшим, запомнил мне черными волосами и сохранил его. Я была и на приеме, и в школе. Я еще подумала, что голова у него красная.

— Дамья!

— Я была уверена, что мы едем в управление и что они перепутали, Андида, я еще надеялась... А потом мы все ехали, ездили, ехали, и я считала...

— Что именно?

— Пятнадцать минут по асфальту, потом минут шесть по бетону — я отчетливо опухнула швы между плитками, это было уже где-то за городом. Наконец пошла скалка, пахшая жаром, моя машина понаехала пылаю, полаская дорожку, и тут, как я появилась, они высадил Майкла...

— Почему поняла?

— Кто-то сказал: «Авдэй соиде! Развизж ему гуляе!» И я потеряла сознание. Очулиась — вокруг лес, да и...

— Время вы оправдаем счетом?

— Да. Про себя.

— Благодарю вас, Андида. Вы сообщили важные сведения. А сейчас я советую вам ехать домой и... Ждать, дорогая Андида.

— Я не могу домой. Не хочу. Я буду с вами.

— Гара немедленно нажала кнопку звонка. — Честера Фреда уже в курсе дела, он будет с нами, и этого достаточно.

— Где Фред?

— Здесь.

Андида обнарушила и несколько секунд молча смотрела на Гара. Она не дигалась, лишь слегка покачиваясь всем телом и еле слышно дышала. Голова ее была неестественно полаята вперед, глаза полузакрыты. И единственная ниточка, на которой держалась ее воля, не выдержала — олушала. Мужчины не успевая подожать Аниду, не издав даже звука она была чудовищно рудила и повер.

— Оставаясь здесь до моего возвращения, — сказал Честеру комиссар, засовывая в карман пистолет. Ушел в дверь он отдал последние распоряжения дежурному: — Срочно врача. Кроме того, выложите дверь, чтобы пропуская пленку и позволяется нацунать маршрут «ПТМБ». Я буду у Терра.

— Комиссар полиции Гара! — повторила Серж Пус, слегка сощурив слезившиеся от старости глаза. — Так-так-так. А почему же, finalmente спорте, у вас сына Майкла была фамилия Честер?

— Гара давно не смущался. Поскольку действую теперь с открытым забралом, но был удивлен: ну и память, ну и проинициативность!

— Впрочем, — сказал старик, — вы же тоже тогда показывали фамилию Майкла по документам?

— Чем же? — из профессионального интереса спросил Гара.

— Торопливости, комиссар! Настоящие отцы не так-то быстро соглашались оставить у меня свои каарки. «Кто же подумал, — это тогда будет плавать за «сына» не из своего кармана!» — Старик улыбался такой осветленно-чистой улыбкой, что даже после того, как он закрыл рот, эта улыбка стояла в глазах Гара. — Чем могут быть полезны?

Гара начал излагать:

— Я хотел бы ознакомиться с доходами вашей парикамарской...

— Не возражаю, — согласился Серж Пус. — Правда, недавно у меня уже был налоговый инспектор, кстант сказать, тот самый, — старик снова улыбнулся, который сегодня с самого утра критично вокруг моего заведования, сейчас караул!

Вход, Впрочем, если вы мне нужно...

— Гара стало не по себе. «Ну и газзастый, черт! — подумала комиссар. — Зытляком Гартуе! Только потому что он так отерпел? Или потому, из той своей невинности, или матерый преступник...»

— Хорошо, — сказала Гара. — Открою вам свои карты. Я подозреваю вас в соучастии в преступлении.

Договорить комиссару не удалось: старик, схватившись рукой за сердце и выгнувшись назад, повалился на пол. «Фу, черт, переборщил!» — мысленно у Гара, брошенного на помощь. Серж Пус тут же поднял минут, полужака в кресле. Через Пус тут же произнес:

— О чем вы говорите! Побойтесь бога, молодой человек! Ми не беру с клиента и лишнего леума, вы же клиент, — ребенок Обмануть младдепта — это хуже, чем обмануть самого себя.

— У вас есть сын, продолжайте разговор! — спросил Гара. — Или отложим до следующего раза!

— Не надо входить в меня, — сказала старик. — Нет уж давайте сейчас. Мне опасно.

И он сделал лязвякую попытку улыбнуться.

— Ваша реакция — достоящее свидетельство вашей невинности, — сказала комиссар, успокаиваясь, чтобы не потерять протекать все о комиссии.

Прежде всего скажите, у вас были случаи досрочного выкупа кукол?

— А как же! Если ребенок, не дай бог, умерла до смерти комиссар, то, дай бог, пропала без вести, родители или я, — Гара едва не вырвался из глотка.

— Гара знал об этом и раньше из опросов родителей пострадавших детей, но задав вопрос нарочно, чтобы проследить как проверить, насколько искренен старик; упомянул он об исчезнувших детях или остается о них не говорить.

— Разумеется, при досрочном выкупе, — продолжал Пус, — мы могли бы провзвать кукол дорожки, но Пус никогда не жаждалась на чужом горе.

— Простите, — сказала Гара, — но у меня опyonu о пропавших детях. В таком большом городе, как Нью-Йорк, конечно, много детей пропали.

— Но вот что странно, господи Пусе все эти дети исчезали через несколько дней после того, как похищены и вы.

— Не попомню, — сказала старик.

— Что это такое, влиятель парикамарской, а потом комиссар, — повторила Гара. — Это установление нами с абсолютной точностью. Если хотите, я дам вам список пропавших, а вы сверьте с кинтой учета.

— Не помню, — вновь сказала Пус, — Я бы, господи комиссар, искал преступников там, где похищают детей, а не там, где их стригут.

— Но похищение каким-то невероятным образом связано со стрижкой — сказала Гара. — Нет, нет, я не хочу больше подозревать вас, господи Пусе. В конце концов преступники могли действовать и без вашего ведома.

— Что это такое, господи Пусе, вы же так донеслись через несколько дней после того, как похищены и вы.

— Не попомню, — повторила Гара. — Это установление нами с абсолютной точностью. Если хотите, я дам вам список пропавших, а вы сверьте с кинтой учета.

— Не помню, — вновь сказала Пус, — Я бы, господи комиссар, искал преступников там, где похищают детей, а не там, где их стригут.

— Но похищение каким-то невероятным образом связано со стрижкой — сказала Гара. — Нет, нет, я не хочу больше подозревать вас, господи Пусе. В конце концов преступники могли действовать и без вашего ведома.

— Что это такое, господи Пусе, вы же так донеслись через несколько дней после того, как похищены и вы.

— Не попомню, — повторила Гара. — Это установление нами с абсолютной точностью. Если хотите, я дам вам список пропавших, а вы сверьте с кинтой учета.

— Не помню, — вновь сказала Пус, — Я бы, господи комиссар, искал преступников там, где похищают детей, а не там, где их стригут.

— Но похищение каким-то невероятным образом связано со стрижкой — сказала Гара. — Нет, нет, я не хочу больше подозревать вас, господи Пусе. В конце концов преступники могли действовать и без вашего ведома.

— Что это такое, господи Пусе, вы же так донеслись через несколько дней после того, как похищены и вы.

— Не помню, — повторила Гара. — Это установление нами с абсолютной точностью. Если хотите, я дам вам список пропавших, а вы сверьте с кинтой учета.

— Не помню, — вновь сказала Пус, — Я бы, господи комиссар, искал преступников там, где похищают детей, а не там, где их стригут.

— Показал — согласился старик, открывая небольшую дверь, ведущую в помещенье мастерской. — Но у меня к вам личная просьба: Ирки, хотя и шутник, чрезвычайно большой человек, и я прошу вас...

— Бывает, старожил — сказала Гара. — Ушел. Ирки Пуск сидит в глубине комнаты за широким полукруглым столом, освещенный боковым ярким светом, выходящим из открытого трехстворчатого окна. Кроме того, на столе еще горящие лампы, зажженные даже в дневное время. Под ручку Ирки Пуск лежали многочисленные ножи, косы, стамески, шпатели, кисточки, пузатки и клеенки и краской, баночки, ножницы и прочие непонятные инструменты. В правом глазу у Ирки видны белые слезы. Он сидит в руках на очередную кукалу и даже не подыма голову на вошедших.

Братья были копией друг друга, если не считать того, что у Ирки на губах лежал постоянный ипотомый его губы были свободной кверку, а Ирки в течение всего разговора с Гардом держал губы свободной вниз. Седые и длинные усы, растущие под крупными добрыми носами, делая братьев похожими на моржей. «Жизнь великий и морж-оптимист», — подумала Гара. — Огненный шершавый номер!»

— Ирки, — мягко произнес Серж, — господин комиссар полиции интересуется вашими кукалами.

— Ему еще мало живых людей? — Ирки, — мягко спросил Серж, — господин комиссар интересуется вашими кукалами.

— Таааа! — мгновенно ответила Ирки. — Я имею в виду: что нужно знать о клиенте?

— Есть ли у него деньги. — Ирки, — мягко спросил Серж, — господин комиссар интересуется вашими кукалами.

— А волосы? — спросила Гара. — И волоса, — подумала Серж Пуск. — Из волоса — подумала Гара.

— Матрас! — перебил Ирки и поднимая голову с опущенными вниз уголками губ. — Я найбави мои матрасы, господин комиссар полиции! Зачем еще мне волосы клиентат?

— Ирки шутит, — вновь пояснил Серж, как видно, не рассчитывая на то, что комиссар полиции обладает чувством юмора. — Из волос он делает парички. Все одним о клиенте хранишь вот в таком пакете. Здесь фотографии, адрес и имя. Гара повертел в руках целофановый пакет и осторожно положило его на край стола.

— Что происходит после того, как кукалы готоват? — Делать самуюшную, — сказала Ирки Пуск. Как это ни странно, Гара не испытывал никакого раздражения. Напротив, ему искренне нравились этот старый морж, который находился в том критическом возрасте, в котором человеку уже никто не страшен: ни комиссар полиции, ни президент, ни сам черт со своими чертешками. Старик шутит. Но разве не прекрасна старость, украшенная не слезами, а шуткой?

— Я понимаю, — радуясь своему умильшиству, сказал Гара. — Но откуда берется эта кукала? Ирки ответил: Вот оно операция Ирки. — В сейф нашего родственника Сайруса. Когда мы сами хранили свои шедевы, но теперь... Вы согласны, комиссар, что Ирки делает шедевы?

— Надо сказать, старший Пуск ни на секунду не прерывал работу. На глазах у Гара из ваты, смоченной какой-то жидкостью, кусочка пластмассы, бусинок, клея и резины возникала истинная принцесса с золотыми глазами, но всей вероятности, та самая девушка, которая обживалась в салоне в один день с Майклом.

О, это была настоящий шедевр, о чем Гара тут же сказал братьям, хотя его слова звучат не из уст обычного старика, старший Пуск: став бы верен себе до конца! Но служба тоже была службой, и вотому комиссар спросил:

— Как долго делается этот шедевр?

— В самом начале, — ответил Ирки, — и еще четыре часа.

— И вот почему, почему эта девушка не была сделана сутки назад?

Ирки второй раз за весь разговор подыма голову и, кажется, впервые ответил серьезно: — Потому что, господин комиссар, вы не знаете. Или ой вновь шутит?

«Как трудно работать с людьми, имеющими чистую совесть!» — подумала Гара, выходя из волшебной мастерской старого Ирки Пуск.

Серж повсюду его во выхода, где с видом чело-

века, случайно остановившегося перед завлекательной витриной детского салона, торговца Таргатура.

Процаясь, Гара произнес:

— Уж не помните меня: работала Таргатура, которую вы выдала? — Я могу спросить: этот визит должен остаться между нами.

Серж клятвою сложил руки на груди.

— А заметь, — не удержался Гара, — много лет назад я был у вас...

— Знаю, молодой человек, — мягко сказала Серж Пуск. — У вас две макушки.

— То есть как две!

— Есть люди, у которых даже три, — сказала старик. — Правно, но знаю, как это отражается на их умственных способностях. Дайте-ка вашу руку.

Вот она... А вот и вторая... Чувствуете?

Гара пошутила свой ответ в местах, указанных Сержем, и у него мелькнула мысль, не выходящее ли это? Но старик улыбаясь так реально, так уверенно и ясной улыбкой, которая тут же успокоила комиссара и еще долго стояла перед его глазами, хотя Гара уже ела в машине, думая об ипотроте Тарга Сайруса.

Но двух полицейских из группы Меродеа, переодетых в гражданскую форму, Гара все же оставила напротив парикмахерской — у витрины, где крокодилья жевала мороженое.

— Шеф, вы действительно уверены, что старик ли при чем? — спросил Таргатура, когда сугар-110 выехал из лабиринта улочек на магистраль, ведущую к парку Сейнт-Клоас.

Гара не ответила, погруженный в раздумье. Потом сказал словно бы сам себе:

Этот старик не прекратил, как мы оказываемся слышными в глазах аним тех людей, у которых есть основания нас бояться. Что вы слышали, Таргатура?

— Про стариков.

— Отличные моржи! Я даже выдала им охрану. От — Они нужны аним тому свету!

— Не шутите так грубо. Они нужны тем, кто им пользуется. Неужели вы не понимаете, что у них происходит утечка информации! Пусть не по их вине, пусть даже вопреки их воле, но кто-то пользуется услугами о детях!

— Кто же?

— Наберитесь терпения. Думаю, Таргатура сможет нам ответить на этот вопрос...

Продолжение следует.

И СНОВА АНАТОЛИИ КАРПОВ

Совсем недавно мы рассказывали читателям «Смены» историю творческого сотрудничества Леонидовича Карпова и Анатолия Карпова. Но это было только начало, чтобы сообщить любителям шахмат о новом достижении молодого гроссмейстера. Выступая на международном турнире, посвященном памяти великого русского шахматиста Алексея Александровича Толя Карпова, разделав первого и второго места среди трехкратным чемпионом СССР Леонидом чемпионом, опередил 10 (включая гроссмейстера) во главе с чемпионом мира Воротышиным и тринадцатым чемпионом мира Василием Смысловым, Тиграном Петросяном и Виктором Корчем. И проидя трудное, многодневное сошествие с горы, одного поражения.

«Тот уже не мальчик», — сказал о своем ученике тренер Карпова старейший леопард Анатолий Карпович Семен Фурман. И действительно, на международном турнире Анатолий Карпов продемонстрировал исключительные способности и технически зрелую игру. Ярким примером является его партия с четырехкрат-

Под редакцией мастера ВОЛЖСКОГО

ным чемпионом СССР Виктором Корчем, в который он наивно перешел в своего грозного партнера.

Вот такая позиция возникла после 24-го хода белых. Игранный черными Карпов весьма далеко продвинутой центральной пешки.

24. e7-e8 25. d5-e6 Ф6е:е6 26. Лa1-c1 Лf8-c8 27. b2-b4 Кb5-e4 28. Лe1-c2. Проходная пешка черными неужели ма из-за эффентного тактического удара. 28. Фг3 К:г2.

28. ...d3-e2 29. Лf1-c1 б7-б6 30. f2-f3 Кd4-e4 31. Фd4-f3 Лe8-c8 32. a2-a4 Фf7-c4 Размен ферей, конечно же, ведет к безвыигрышному для белых окончанию.

31. Фd3-b3 Лd6-f7 34. f3-f4 g3-g4 35. б7-b5 Лc8-c8 36. Фd2-f7 б7-б5 Фf7-c4 Кf1-f2 Фe4-e3 Фf7-f3 Лd8-e8 Белые сдались.

УПУЩЕННАЯ ПОБЕДА

Для Бориса Спасского мемориал явился своеобразной подготовительной позицией перед предстоящей в ближайшем будущем защитой высшейшей короны от послыстателя американского происхождения Роберта Фишера. Потому чемпио-

мира экспериментировала, пока тренировалась, но вполне понятным причинам многого из своего обширного арсенала не показала, практически игнорировал.

Проявляем этот контрольный партии Спасский Штейн, которую чемпио мира довел до выигрышной позиции, но, действуя без должного напряжения, упустил заслуженную победу.

К такой позиции борбля свелась после 27-го хода черных, которым удалось проиграть Штейн. Здесь белым без помех красиво доминировать.

28. Кf3-e4 Крb7-л7 29. Лd1-c7 Крb7-л7 30. Лd3-f3 Сb7-e4 31. Крb2-d2 и от матча у черной короле нет шансов.

Ум, было сыграно 28 Лd3-f3 С:б2 29. Крb7-л7 Фd5-f6 и партерры согласился на ничью.

СО СНОМ СРАЗИТСЯ АЛЛА

Оперная верх над Наной Александровичей в финальном матче претендентов на женскую высшуюшую корону от мира, москвичка Алла Кушнир в третий раз завоевала право сразиться с чемпионкой шахматной Наной

Гарпириндиани, которая уже более десятилетия является обладательницей женской шахматной короны.

Помогите, как четко и находчиво провела свою заключительную атаку Алла Кушнир в одной из партий недавнего матча с Наной Александровичей.

На очереди 28-й ход черных, которым нужно играть Алла. Последовала бурная и весьма эффентная игра.

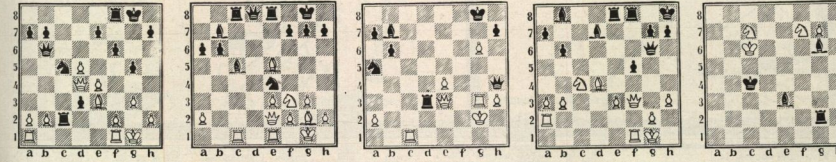
28. ...Сd7-e6 29. Фf3-d3 Фb3-g3 30. Лf1-g2 Фb3-h3 Сe3-f3 33. Лd2-f2 Фb3-g3 34. Фf3-h3 Сd7-e6 Лe8-b6 36. Кd6-f5. Следует простоянное, но изящное опровержение контрполюса соперницы.

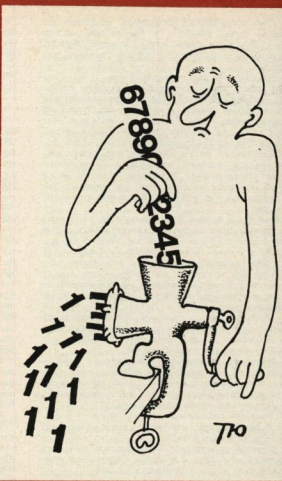
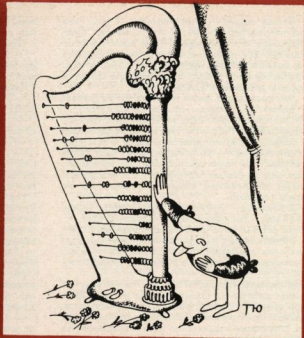
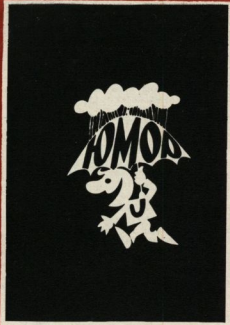
36. ...Фf3-f2 37. Кf1-f2 Лf8-b8 и белая капитулировала.

ЭТОД ФРАНЦУЗСКОГО КОМПОЗИТОРА

Предлагаем вниманию читателей «Смены» оригинальный и в высшей степени остроумный этюд видного французского шахматного композитора Жюльена Эксландо.

Белые начинают и выигрывают.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

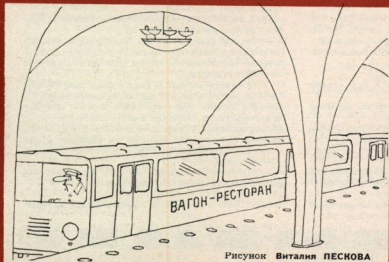

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

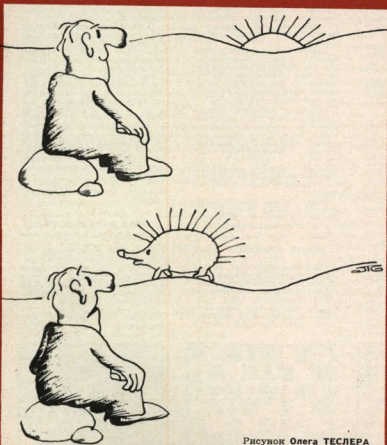
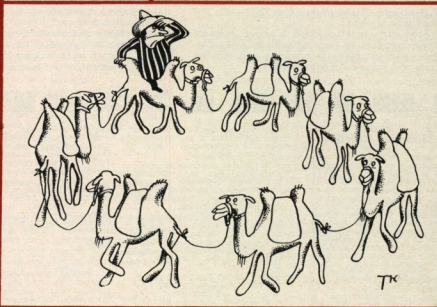

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

НАШ АДРЕС: 101457, Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 20/ХІІ 1971 г. А 00861. Подписано и печати 13/І 1972 г. Формат бум. 70 x 108¹/₂.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж: 1 000 000 экз. Изд. № 227. Заказ № 2315.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125685, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

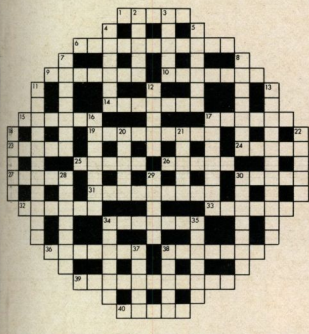
Составил М. БЛИНОВ, г. Александров Владимирской обл.

По горизонтали:

1. Тихоокеанская сардина.
2. Роман В. Гогов.
3. Река, впадающая в Байкал.
4. Вид изобразительного искусства.
5. Птица отряда мушкетеров.
6. Животное по штату Туркмении.
7. Официальный распорядок.
8. Музыкант-композитор.
9. Музыкальное лирическое произведение.
10. Мелкое разноцветные бусы.
11. Зерноочищающая машина.
12. Демократическое иезуитское растение.
13. Основатель ритмической гимнастики.
14. Пинтоп Миссисипи.
15. Машина для обработки материала давлением.
16. Врач.
17. Самая яркая звезда.
18. Географическая широта.
19. Символистский строительный материал.
20. Советский писатель.
21. Головной убор военнослужащих.
22. Высокоскоростная горная система в Западной Европе.

По вертикали:

1. Разношерстная шкура.
2. Шит для размещения экспонатов.
3. Учебное полугодие в высшем учебном заведении.
4. Полудрагоценный камень.
5. Наука о равновесии газов.
6. Промысловая рыба.
7. Часть геометрии.
8. Южное плодородное дерево.
9. Документ, удостоверяющий личность.
10. Газетный жанр.
11. Время схватки в боксе.
12. Музыкальный ансамбль.
13. Кресть-герой.
14. Остров архипелага Рюмоу в Японии.
15. Стихотворение А. С. Пушкина.
16. Птица, гнездящаяся в тундре.
17. Гармоничное сочетание нескольких музыкальных звуков.
18. Химический элемент.
19. Государство в Азии.
20. Полугрузовая автомашина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

1. Реддентор.
2. Сейнер.
3. Амур.
4. Гитта.
5. Фигаро.
6. Анкил.
7. Агротром.
8. Лошадь.
9. Алмаз.
10. Тренировка.
11. Граблер.
12. Волга.
13. Архив.
14. Сетчатый.
15. Гранит.
16. Канада.
17. Тенор.
18. Ускотр.
19. Форель.
20. Маршфельд.
21. Альп.
22. Маршфельд.

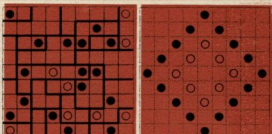
По вертикали:

1. Телевизор.
2. Пленка.
3. Сьерра.
4. Порог.
5. Верди.
6. Теннис.
7. «Грифон».
8. Колорифер.
9. Орионто.
10. Алтарь.
11. Малахит.
12. Смена.
13. Аппарат.
14. Армянский.
15. Мелодия.
16. Ньютон.
17. Терра.
18. Кафтан.
19. Нартов.
20. Точка.
21. Рукав.

1. Найдите десять различий между этими рисунками.

2. Квадрат с левой стороны состоит из 21 клетки, где размещены белые и черные кружки. Как переместить обозначенные части квадрата, чтобы белые и черные кружки образовали симметричную фигуру, изображенную справа?

3. Разделите фигуру, напоминающую древний бердыш, на три части, из которых сложится квадрат. Как надо согнуть фигуру, чтобы решить задачу одним взаимомonomи?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 2

2. 789789.

ВАРВАРА ТИМОФЕВНА

Слова Бориса ПУРГАЛИНА
Музыка Марка МИНКОВА

Варвара Тимофеевна,
Одна, как перст, живете вы,
И лишком велика для вас
Просторная изба.

И полно праздник в доме,
И веселье в нем,
И забот в нем полно,
И дом как дом.

Стоят кровати лишние,
Да в печи стынут противни,
Пирог испечь вам некому —
Сложилась так судьба.

А было все, как водится,
Семья и счастье верно,
Да все изъездило, что сделавши,
Делевая война.

Но порой в пустом
Старом доме том
Вдруг нальнут в вас
Воспоминанья...

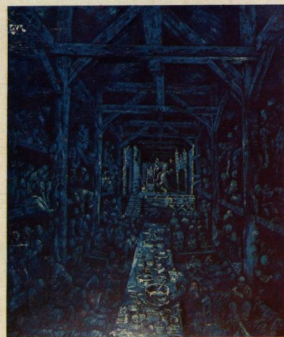
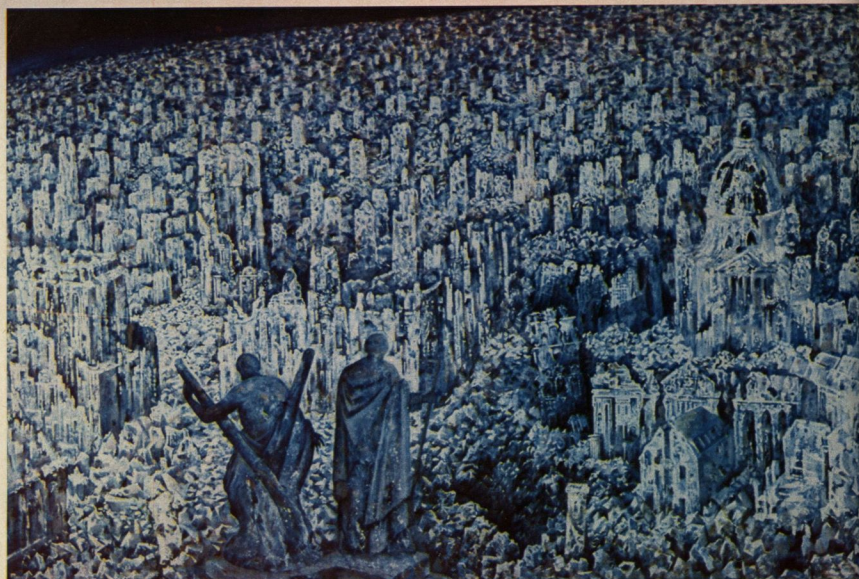
А вы в окно все слотрите,
Варвара Тимофеевна,
Но лишь пусть дороженька
За стеклами видна.

Но порой в пустом
Старом доме том
Вдруг нальнут в вас
Воспоминанья...

Найдется ль утешение,
Когда такое пройдем!
Найдется ль утешение,
И кружево ль оно вам!

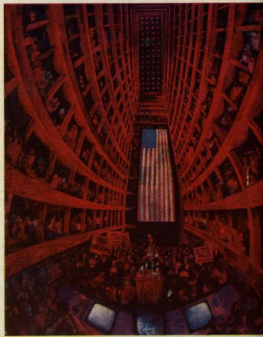
Варвара Тимофеевна,
От всей примите родины
Земной поклон, в молчаньи...
Какже ж тут слова...

ПАНОРАМА БЕЗУМНОГО МИРА

неева. Но Корнеев не иллюстратор «Бойни номер пять», не автор добросовестно разработанных — хотя и условных — панорам и зрительному варианту романа. Корнеев скорее импровизатор — страстный и убежденный, которого роднит с Воннегутом современное художественное мышление и общность эстетического идеала, направленного к новым поискам в искусстве. Я убежден, что если бы не было романа «Бойни номер пять», Леонид нашел бы иные мотивы, но не смог бы не возродить на картоне и на фанере панораму лагери смерти и комедию

Курт Воннегут... При упоминании имени этого американского писателя тотчас вспоминаются его романы-памфлеты, исполненные гротеска, ироничности и фантасма, поднимающему голову на буржуазном Западе: «Бойни номер пять, или крестовый поход детей» и «Колыбель для кошки».

Воннегут не связывает себя ни обязательными сюжетами, ни традиционным стилем повествования. Язык его то язвительен до сарказма, то печален и обижен до боли отчаяния; останавливается, обыватели Америки, в безумном своем и гибельном пути и зтоимой катастрофе, высунутые из своих нор, еще всеобщими усилиями не поздно, быть может, не поздно схватить за руку Пентагон, империализм, смерть...

Резким жанром письма Воннегута, его искусство создателя эпической современной «Божественной комедии» среди лучших поисков мастеров кинематографа. Высокий интеллектализм писателя и эмоциональная взрывчатость его увлекли молодого художника кино, выпускница ВГИКа Леонида Кор-

бегства с планеты Земля ее губителей, — подмигателей.

Как бы подчеркнуть актуальность — и медленню, сейчас призвать мир к борьбе и мнзаны, к общительности. — Корнеев отдался влается от холста, от письма маслом; он пишет, как писал молодой Маяковский, твоем — красной, которая как бы обуглилась на картоне.

Впрочем, конечно же, работы Леонида Корнеева — его интерпретации Курта Воннегута — увлекательный материал и для кино-ремиссера.

Александр БОГУЧАРОВ

Цена номера 20 коп.

Индекс 7082